

ВАЛЕРИЙ КИСЕЛЕВ

«МЫ НЕ ДРОГНЕМ В
БОЮ». ОТСТОЯТЬ
МОСКВУ!

Валерий Павлович Киселев «Мы не дрогнем в бою».

Отстоять Москву! Серия «Война. Штрафбат. Они сражались за Родину»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8344098

Валерий Киселев «Мы не дрогнем в бою». Отстоять Москву!: Якуза,

Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-73694-2

Аннотация

«Мы не дрогнем в бою за столицу свою. / Нам родная Москва дорога, – гремело из репродукторов осенью 1941 года, в разгар Московской битвы. – Нерушимой стеной, обороной стальной / Разгромим, уничтожим врага!»

Вот только в жизни все не так, как в бравурных маршах. Судьба СССР висит на волоске. Советские дивизии истекают кровью на последнем рубеже – в полках осталось всего по сотне штыков. Сибирские пополнения тают на глазах. В небе чернó от вражеской авиации. Немецкие танковые клинья рвутся на восток, и до Кремля уже меньше 50 верст. Но русская пехота стоит насмерть и умирает не дрогнув, ценой сотен тысяч жизней спасая

Москву, перемалывая в беспощадных боях элиту Вермахта. И эта сжатая до предела пружина вот-вот должна распрямиться, нанеся гитлеровцам ответный удар...

Содержание

Предисловие	5
Нас пули с тобою пока еще милуют...	7
Простите пехоте...	56
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Валерий Киселев

«Мы не дрогнем в бою».

Отстоять Москву!

Предисловие

25 июня 1941-го сформированная в Горьковской области 137-я стрелковая дивизия – одна из лучших в Красной Армии – выехала на Западный фронт и вскоре, под Могилевом, вступила в бой против наиболее сильной группировки Вермахта, 2-й танковой группы Г. Гудериана.

Два окружения за лето... Дивизия, теряя людей, с упорными боями отошла на восток, но наконец-то встает в оборону у города Трубчевска. Казалось бы, позади самые тяжелые дни войны. Но 30 сентября начинается генеральное наступление Вермахта. Дивизия опять попадает в окружение, на этот раз в брянских лесах. Вышли к своим в Елец всего 806 человек. Из 14 тысяч, выехавших на фронт...

Лейтенант Вольхин, капитан Шапошников, полковник Гришин, а с ними сотни бойцов и командиров пробиваются из окружения под Брянском, стоят насмерть на берегу реки Красивая Меча, на самой краешке Куликова поля. Наконец, дивизия переходит в наступление, зимними полями

идет на Мценск. Каждый день война забирает сотни жизней... У каждого солдата была своя судьба, и до Победы было еще далеко.

Нас пули с тобою пока еще милуют...

Вечером 28 августа полковники Гришин и Яманов, прихватив с собой капитана Шапошникова, выехали на совещание в штаб 3-й армии генерала Крейзера, куда теперь перешла дивизия после выхода из окружения.

– Товарищи, – обратился к собравшимся командирам генерал Крейзер, – ввожу в обстановку. Армия вошла в состав Брянского фронта, командующий генерал-лейтенант Еременко. Задача армии – прикрыть брянское направление с юго-запада. Перед нами по-прежнему вторая танковая группа Гудериана...

– Шестнадцать дивизий в составе фронта, а фронт – двести тридцать километров, – услышал Шапошников шепот слева, говорил незнакомый полковник своему соседу, – да и дивизии-то в основном номера, свежих всего три-четыре...

Шапошников вспомнил, как перед началом совещания видел карту приехавшего в армию начальника главпура Красной Армии Мехлиса. Трубчевск на ней был обведен красным кругом, рядом стояли крупные цифры – 137 СД. На карте их дивизия выглядела внушительно. «Если бы так было и на самом деле... Неужели он не знает нашего истинного состояния? – думал Шапошников. – Ведь на самом деле

мы почти голые – одни винтовки...» Если бы знали в штабе фронта, что на самом деле в 137-й дивизии один полк, в этом полку – один батальон, а в батальоне – боеспособна одна рота...

Дивизия полковника Гришина получила подтверждение приказа оборонять Трубчевск. Фронт был впереди, в семидесяти километрах, на Судости. Но фронт «в нитку», там уже шли тяжелейшие бои, и немцев можно было ждать в ближайшее время.

И в тот же день, 28 августа, поздно вечером, едва вернувшись в свой полк, Шапошников узнал, что немцы еще утром форсировали реку Судость, оборонявшаяся там Ивановская дивизия не выдержала удара и начала отходить к Трубчевску.

«Ну, вот и отдохнули, называется, завтра и нам предстоит...» – понял капитан Шапошников.

Рано утром его поднял капитан Тихон Филимонов, новый начальник штаба, но старый приятель по службе еще в довоенное время.

– Пополнение, Александр Васильевич. Четыреста человек! И кто – сибиряки!

Шапошников искренне обрадовался, но оказалось – рановато: половину пополнения по записке Яманова тут же увели к Михееву, у него людей было совсем ничего. «И зачем так? – обескураженно думал Шапошников. – Имели бы хоть один полк, но более-менее, а теперь будет два, но оба слабых».

– Людей распределили по батальонам? – спросил он у Фи-

лимонова.

– Нет еще, прибыли полчаса назад.

– Постройте, хочу посмотреть.

Двести человек пополнения были выстроены на полянке.

Шапошников с Наумовым поздоровались, услышали в ответ сочное и дружное «здравствуйте!», довольно переглянулись и пошли вдоль строя, внимательно вглядывались в лица. Люди были молодые, крепкие на вид, в новеньком обмундировании, и сразу видно, что недавно с кадровой, это Шапошников определил по изящно сидящим на головах пилоткам.

– И все сибиряки? Откуда?

– С Омска все, – ответили сразу несколько человек.

– Ну, как народ, Алексей Дмитриевич? – спросил Шапошников Наумова. – Думаю, не подведут?

– Надо было всех у нас оставить, – тихо сказал ему Филимонов. – Орлы!

– А ведь у нас Калько омский! – вспомнил Наумов.

– Давайте, Тихон Васильевич, сто человек к Калько, остальных пополам в другие батальоны, – сказал Шапошников. – Распределите людей и позаботьтесь, чтобы накормили.

Лейтенант Вольхин принял в свою роту пятьдесят человек, и теперь она была почти по штату. Это и радовало, и немножко пугало. Вольхин хоть и был ротным вот уже третью неделю, но все же ощущал себя взводным, так как людей

у него все это время было как раз со взвод и он еще не представлял себе, что командовать придется сразу сотней человек. Раньше и участок его был – сотня-другая метров, а теперь рота получила почти полтора километра, и надо было смотреть вперед и по сторонам уже гораздо внимательней.

– Давно из Сибири? – спросил он крайнего из пополнения.

– Красноармеец Ефим Беляев. Тринадцатого августа еще в поле был, комбайнером я работал, в тот же день мобилизовали – и в эшелон.

– Две недели и добирались? – удивился Вольхин.

– От Брянска шли пешком четверо суток, а по железной дороге, в общем-то, быстро, нигде долго не стояли.

«А мы все эти недели, да и раньше, все на своих двоих... – подумал Валентин. – Неужели и август кончился? И я все еще живой...»

К этому времени из взвода лейтенанта Вольхина, что выехал с ним на фронт, в живых осталось только пятеро: два сержанта – Фролов и Вертьянов, «Савва» Морозов, Латенков и Углов – самый высокий не только в роте, но, наверное, и в полку. Вольхин думал о нем, еще в первые дни, что вот его-то, с таким ростом, убьют быстрее всех, а он был живой до сих пор. Из полтавчан, что ему дали еще на Соже, у него осталось только трое, остальные все погибли в Милославичах, Семеновке, Церковищах, и фамилии их в записной книжке он обвел траурной рамкой – Алексеенко, Голубцов, Ишов, Кунгуров, Пистаков, Познюк, Ращенья, Фролов,

Чубаров, Макаров, Каменский, Кушнеров, Ходыкин... Список был длинный, и Вольхину всегда становилось не по себе, когда он видел длинный ряд траурных рамок, одну за другой.

Взводами командовали сержанты. Вот и сейчас пришло пополнение, а ни одного лейтенанта. Третьим взводом у него командовал сержант Жигулин, переведенный из другой роты. Горьковчанин, симпатичный, высокий блондин, спокойный, уверенный, и Вольхин был рад, что он попал именно к нему, да и мужики из отделения приняли его быстро. Иногда Вольхин думал, глядя на него: «Пока у нас есть такие ребята – ни за что немцам нас не одолеть», – и никак не мог представить себе его убитым – это было как-то даже противоестественно, невозможно, чтобы такого парня, образец русского солдата, и убили.

К вечеру рота Вольхина довольно неплохо окопалась – взводные опорные пункты были готовы. Он сам обошел все окопчики, с тоской думая, что слишком велик участок, пехоту они еще отобьют, а если танки – на полчаса, не больше. Он знал, что в полку осталось всего три орудия. Гранаты и бутылки у них были, но очень мало, и комбат ничего не обещал. Ночь прошла спокойно, впереди, правда, изредка раздавались танковые выстрелы, иногда стучали пулеметы, но чувствовалось, что немцы еще далеко. Вольхин даже поспал часа два, а на рассвете, еще раз обойдя свои окопчики, перекинувшись со взводными по паре фраз, решил все же по-

слать разведку к хутору, что лежал перед его позициями километрах в трех.

– Давай я пойду, командир, – предложил его политрук, Павлик Бельков, высокий и плечистый парень с уверенными и отчаянными глазами.

В роту Вольхина Бельков был назначен после Милославицей, а в полку был со дня формирования, и вообще едва ли не единственный политрук оставался из тех, кто выехал на фронт в составе полка. Вольхин сразу понял, что политрук предпочитает показывать примером, чем слова говорить, это и хорошо, но рисковать то и дело надо и не надо – это ему не нравилось. Как-то Вольхин ему даже сказал, что лучше бы он политработой занимался, чем то и дело в разведку лазить по своей инициативе. «А это тоже политработа, командир, или, думаешь, мне только боевые листки выпускать да газеты читать? Тем более где их взять, да и в мирное время они мне надоели». – «А напорешься?» – «Нет, командир, если я после Сожа жив остался, то судьба мне до победы».

– Нет, Павлик, не ходи. На хуторе, чувствую, немцы. А ты нам нужен и здесь. Лучше давай пошлем из пополнения, пусть на живых фашистов посмотрят.

Вольхин приказал Фролову дать пятерых из пополнения, один из них оказался тот самый комбайнер Беляев, и лично поставил им задачу.

Разведчики, взяв винтовки наперевес, быстро пошли к хутору и скоро растворились в утреннем тумане.

Вольхин съел без аппетита полкотелка сухой каши и посмотрел на часы: «Восемь тридцать... Немцы тоже позавтракали. Если они точно на хуторе, то скоро надо ждать...»

Разведчики не возвращались более двух часов, и это начало беспокоить. «Что-то очень долго, – думал Вольхин, – не надо было посылать этого комбайнера. В пехоту он, конечно, угодил по ошибке, сидеть бы ему сейчас в танке. Ухлопают парня напрасно».

Со стороны хутора донеслось несколько выстрелов из танковых пушек, а вскоре показались и три танка, а перед ними метрах в пятистах бежали пятеро его разведчиков.

«Ну вот, так и знал – танки... Сейчас начнется...» – чувствуя холодок в душе, подумал Вольхин.

Минут через пятнадцать к позициям его роты вышли десять танков. До окопов оставалось не больше двухсот метров, когда они вдруг остановились, держа линию. «Заметили, сейчас рванут, – с тоской подумал Вольхин. Но танки стояли. Стреляли с места, но стояли. – Ждут – есть ли у нас артиллерия? Раньше были смелее».

Минут через десять один танк, переваливаясь на буграх и лязгая гусеницами, осторожно пополз к окопам. Возле него разорвалось несколько гранат, но танк шел, периодически стреляя из пулемета.

«Вот гад, что делает!» – смотрел Вольхин на танк. Бронированная машина утюжила окоп за окопом. На броне его хлопком разорвалась граната, но танк продолжал ползти.

Раздавлив несколько окопов, он резко развернулся и на скорости ушел к своим, на линию машин.

«Сейчас пойдут все, – обреченно подумал Вольхин. – Поняли, что ничего у нас нет, можно давить». Он доложил обстановку комбату, в душе надеясь услышать, что он посылает ему орудие, но услышал только требовательное и грозное: «Держаться!»

– Но ты смотри, командир, – услышал Вольхин голос своего политрука Белькова, – ни один из наших из окопов не выскочил.

– Вот сейчас как все танки пойдут, что будем делать? Ждать, пока передают всю роту? Пять гранат бросили, и ни одна не попала!

Но танки все еще стояли. Пять минут, десять. Изредка стреляя, но так и не двигаясь с места.

«Ничего не понимаю. Чего же ждут? Боятся? Но кого им тут бояться?» – недоумевал Вольхин.

Когда капитану Шапошникову доложили, что атака противника началась, двумя группами танков по десять машин в каждой, он немедленно позвонил в штаб дивизии. У аппарата был майор Кустов, новый начальник оперативного отделения штаба, мужчина энергичный и веселый, так что Шапошников с первого же дня знакомства почувствовал к нему симпатию и они быстро стали приятелями.

– Алексей Федорович! – кричал в трубку аппарата Шапошников. – Танки пошли, двадцать машин. Подбрось

огоньку, а то не отобьемся. У меня всего три орудия, ты знаешь, да и те без прицелов, стреляем, как при Иване Грозном...

– А ты выведи их на прямую наводку и расстреливай эти танки, – спокойно ответил Кустов.

«Ну и арап!» – удивился Шапошников.

– За Десной тяжелый артполк, попросил бы хотя бы два залпа!

– Да ты что, это только с разрешения командующего артиллерией армии! У них и снарядов-то всего на полчаса! А у меня откуда возьмутся орудия? Все у вас!

Шапошников положил трубку. «Что же делать? Танки, конечно, пойдут кулаком, а у меня пять километров фронта. Чего стоит смять роту, полчаса – и в городе».

– Меркулов! – позвал он начальника артиллерии полка. – Берите два орудия Терещенко от Калько и немедленно на позиции седьмой роты. Галопом!

К десяти танкам, что стояли против роты Вольхина, вскоре подошли еще десять, подъехали несколько автомашин с пехотой.

«Вот чего они ждали! – понял Вольхин. – Ну, теперь нам конец...» Бойцы его роты, тускло поблескивая касками, ждали идущие на них танки. Казалось, что даже чувствовалось, как напряглись в ожидании боя его люди.

«Если хотя бы один побежит, то, как цепная реакция, не устоять... Хотя все равно передают...» В столь безнадежном

положении Вольхин с начала войны, пожалуй, еще не бывал. Если бы только пехота, а тут еще двадцать танков. «А вот вроде бы не все на меня, машин пять повернули на соседа», – чуть успокоился Вольхин.

Танки открыли огонь с коротких остановок. Затрещали автоматы пехотинцев. Из окопов ответили из винтовок. Потом включились и два станковых пулемета. Несколько танков быстро переехали окопы, но потом сразу три из них, словно споткнувшись обо что-то, встали. Один закрутился, разматывая гусеницу, с брони другого потек огонь – кто-то ловко угодил бутылкой с бензином. Третий не горел, но стоял, тоже, видимо, подбитый.

Еще несколько танков, выпустив струи огня, отчего на траве образовались черные проплешины метров по десять, крутились на окопах. Вольхин видел, как вспыхнул расчет станкового пулемета, люди катались по земле, пытаясь сбить пламя. «Живьем сгорели!» – ужаснулся Вольхин. Еще кто-то, как живой факел, бежал с диким криком.

Вольхин то и дело поглядывал на часы, будто атака должна была продолжаться какое-то определенное время. «Всего пять минут!» Танков пять-шесть все-таки стояли, остальные давили гусеницами окопы и, бессильный чем-либо помочь, Вольхин только зло кусал губы. Политрук Бельков убежал в окопы, и Валентин, видя, что на НП он остался один – телефонист был убит и присыпан землей, – схватил гранату и бутылку с горючкой и тоже побежал навстречу танкам. «Теперь

уже все равно!» Он не слышал и не видел, как сзади подъехали и развернулись два наших орудия, как они подожгли еще два танка. В бешеном исступлении, задохнувшись, он подбежал метров на двадцать к ближайшему танку. Метнул гранату – не попал, бутылку – на танке загорелось, но слабо, и мощная машина, вертясь по оси, сбила пламя. Вольхин стрелял в нее из пистолета, стоя во весь рост, не думая, что его могут убить, пока не упал – кто-то толкнул его на землю.

– Ты что, командир, – это был политрук Бельков. – Я вижу – ты на подвиг идешь, думаю – надо остановить, пока живой! Смотри: наши орудия!

Страшно болела голова, в теле была невероятная усталость, глаза слипались от пота.

– Отдохни маленько, командир, они уползают!

Танки действительно отходили, с левого фланга три машины и в центре две. Автоматчики поодиночке, отстреливаясь, догоняли танки.

– А ты говоришь – не устоим! Наша взяла! – услышал Вольхин знакомый, с хрипотцой, голос Белькова.

Было несколько минут, мгновений ли, когда он не слышал ни выстрелов – ничего.

Бой стих быстро. Танки ушли на хутор. Вольхин с Бельковым, отдышавшись, медленно пошли по окопам. Вся позиция их роты была настолько передавлена гусеницами, что казалось, ничего живого здесь быть не может. Пахло жареным человеческим мясом вперемешку с гарью и порохом.

Вольхин посмотрел на часы: «Всего тридцать минут!»

– Николай, живой! – обрадовался он, увидев сидевшего в окопе сержанта Фролова, он жадно курил самокрутку.

– Куда ж я денусь от тебя, командир...

– Сколько людей у тебя осталось?

– погоди, дай покурить. Вон ту дуру, – Фролов показал окурком на танк, – на мой счет запиши.

В окоп спрыгнул политрук Бельков.

– У Вертьянова из пятнадцати осталось четверо. Одного вообще раскатали в лепешку... Пошли к Жигулину.

У сержанта Жигулина, взвод которого стоял на левом фланге, из двадцати убиты были трое, шестеро тяжело ранены. Один, обожженный, умирал. Это был Федор Углов, тот самый высокий в их роте парень.

– Просит, чтоб пристрелили, командир. Тяжело ему, – сказал Жигулин. – Страшная смерть парню досталась...

– Не вздумай! Где санинструктор? Неужели ничем нельзя помочь?

– Что он делает? Не бог ведь...

Обожженный лежал на плащ-палатке, сильно дрожа, ловил ртом воздух, лицо его, черное, без глаз, выражало такую боль, что смотреть на него было невозможно.

«Вот чего стоит победа...» – глотая спазму, подумал Вольхин.

– Два танка все же сожгли, – услышал он голос Жигулина. – Но и покуражились они над нами, как хотели. Хоро-

шо еще, что автоматчиков у них было немного, да трусоваты оказались.

– Семь танков наши, командир, – присел Бельков к Вольхину, – да человек двадцать автоматчиков все же уложили.

«Как он может быть спокойным! – поразился Валентин. Хотя после всего, что они увидели, пережили за это время, было ли еще чему удивляться? – За это железо столько людей положили! Неужели нельзя было попроще? Подойди эти пушки хотя бы на полчаса пораньше..» – и почувствовал, как его сердце словно сдавило клещами.

– Комбайнер? Живой? – через силу улыбнувшись спросил Вольхин, увидев Беяева.

– Я-то живой, а вот земляков моих многих не стало. У Атабаева все отделение передало. Один он остался...

Вольхин не смог посмотреть ему в глаза. Проходя по раздавленным окопам мимо мертвых, он чувствовал себя виноватым в их смерти едва ли не больше, чем немцы. Ловя взгляды живых, Вольхину казалось, что все на него смотрят с укором. «Дурацкий у меня характер! Ну что я мог сделать!» – ругал он себя, но сердце точила боль.

– Товарищ лейтенант, комбат вызывает, – подбежал к Вольхину связной.

– Молодец, Вольхин! – услышал он в трубке голос комбата Осадчего. – Продержался, молодец. Потери большие?

– Двадцать пять убитых, восемнадцать раненых, есть безнадёжные, – глухим, не своим голосом ответил он.

– Да, много... Но как ты семь танков подбил? Артиллеристы помогли?

– Какие артиллеристы? А, эти... Они в конце боя подошли. А может быть, они все и повернули, не знаю.

– Сосед твой три танка подбил, слышишь? Они нигде не прошли у нас, ты слышишь, Вольхин? Удержались мы!

«И как мы только удержались... – подумал Вольхин. – Люди железные».

– Ты проверь все в обороне, возможно, еще пойдут сегодня. Бутылок я тебе пришлю – ящик! – услышал он голос Осадчего.

Подошел лейтенант Терещенко.

– Спасибо, Борис. Выручил, – сказал ему Вольхин.

– Что мне, ты Ленскому говори. Как он здорово эти два танка саданул! Между прочим, последний был у него десятым с начала войны...

В этот день дивизию полковника Гришина немцы больше не атаковали. Тихо было и на следующий день.

«И как это не сбросили нас в Десну, – удивлялся капитан Шапошников, – ничего же у нас нет, воюем голыми руками...»

– Товарищ капитан, – вывел его из раздумий лейтенант Тюкаев, – Терещенко предлагает сходить на Судость, там ивановцы, должно быть, много чего оставили, а вытащить можно.

– А что – дело! – ответил Шапошников.

Кустов говорил ему, что остатки Ивановской дивизии после тяжелейших боев отведены к Трубчевску и занимают теперь всего два километра фронта. А была – свежая дивизия... После отхода с Судости много своего снаряжения и техники оставили у реки, часть людей дивизии перешли к полковнику Гришину, остальных спешно переформировывали в Трубчевске.

– Подготовьте несколько групп и этой же ночью, пока нет сплошного фронта – сходите, – распорядился Шапошников.

– Можно с повозками? – спросил его Терещенко.

– Возьми с десятков. Может быть, снаряды попадутся.

А на рассвете в расположение полка Шапошникова вернулись все группы, ходившие в поиск на Судость, и сходили они не напрасно. Удалось перетащить пять исправных орудий, три кухни и десять подвод со снарядами. Четверо «безлошадных» шоферов-грузинов вернулись на полуторках, счастливые, словно по невесте отхватили.

– Это как же вы сумели? Не у своих ли угнали? – спросил их Шапошников.

– Там еще есть! – ответил один из водителей.

«Ну и ивановцы, вот дали нам подлататься-то...» – довольно подумал Александр Васильевич.

– Агарышева убило, – подошел к нему Терещенко, когда шоферы отъехали.

– Как же так, Борис Тимофеевич, такого парня... Ну, что

же вы... Как я теперь его матери напишу: единственный сын!

Лейтенант Николай Агарышев, командир похлебаевской батареи, весельчак, удалец, любимец бойцов, лежал на телеге, покрытый с головой шинелью.

– Единственный и погиб... Напоролись на засаду у Магара. Прямо в лоб пуля. Старик подвел: спрашивали дорогу на Погар, а он, глухой, показал на Магар. Ну а там немцы.

– Похороните его как следует. Матери я сам напишу, – сказал Шапошников и вспомнил ее, старушку. – Она до войны часто бывала в гарнизоне и перед отправкой просила поглядеть за Николаем, все еще считая его мальчишкой.

– Вот и остались, Борис, мы двое, – тяжело вздохнул политрук батареи Иванов. – Сасо в первом бою, Похлебаев, теперь вот Николай... А давно ли на танцы вместе бегали... Так и не узнает, кто у него родился. В сентябре, говорил, жена должна родить...

Похоронили лейтенанта Агарышева у трех берез, на высоком, чистом месте...

Вечером 5 сентября к Шапошникову приехал полковник Гришин.

– На тебя жалуются, что ты у ивановцев снаряды увез, – сухо поздоровавшись, сказал он.

– Не надо было бросать. Мы их вывезли, можно сказать, у немцев из-под носа. За их счет и ожили, и кухоньками опять разжились, и пушечками. Неужели опять отдавать?

– Нет. Ты нашел – твое. Не чувствуешь: немец как будто отходить собирается? – спросил Гришин. – Южнее Трубчевска Крейзер и Чумаков сильный контрудар нанесли, отбросили километров на пятьдесят. Нам их давить, увы, нечем, но есть данные, что и на нашем участке они уйдут за Судость. Так что готовься к преследованию... Начальник политотдела у нас новый – Кутузов, – добавил после паузы Гришин.

– Откуда?

– Из Ивановской дивизии. Перевели с полка. Хваткий мужик, дело знает. Да, доведи до личного состава, что товарищ Сталин за оборону Трубчевска дивизии благодарность объявил, – с удовольствием сказал Гришин.

– Да, устояли на этот раз...

– Крейзер помог. Когда немцы на Михеева пошли, а там же ни одного орудия, все, думаю, крышка, так попросил огоньку тяжелого артполка из-за Десны, и, какие молодцы – так точно дали! Да и помог-то он, считай, по знакомству, что в академии вместе учились. А так бы – отбивайтесь своими силами, «изыскивайте резервы на месте», у этого артполка каждый снаряд на особом учете.

В районе Карбовки ударная группа генерала Ермакова нанесла тяжелое поражение 47-му моторизованному корпусу гитлеровцев. Отбросила их на несколько десятков километров, и дивизия полковника Гришина, используя общий успех, за двенадцать дней, преследуя отходящие части нем-

цев, вышла к реке Судость.

Как только полк капитана Шапошникова вышел к Судости, к нему снова приехал полковник Гришин.

– Смотри на карту, – сухо поздоровавшись, раскрыл он планшет, – вот Баклань, вот Юрково. Здесь берег пониже, тут и надо захватить плацдарм. Зацепимся – дальше пойдем. Приказываю: боем руководить лично. Я буду в Березовке, связь – туда...

Настроение у всех в дивизии в эти дни было приподнятое: наступали, впервые с начала войны шли на запад, а не на восток. Казалось, что и Судость не будет серьезной помехой. А там – дорога на Унечу, на Сураж.

Капитан Шапошников, придя в батальон Осадчего, который начал готовиться к бою за плацдарм, расположился с биноклем на бугре, откуда хорошо было видно и Баклань – справа, и Юрково – в центре, и Михновку – слева. Берег противника был заметно выше, пойма Судости – широкая по фронту, и Шапошников с неудовольствием думал, что атака будет явной авантюрой, тем более что без артподготовки и плавсредств.

Оторвавшись от бинокля, он спросил Осадчего:

– Что говорят ваши разведчики?

– Сунулись было, да обстреляли. Ничего толком не узнали. Засекли пять пулеметов. Траншеи у них открыты по всему фронту. Когда только успели... Артиллерия и танки себя не проявляли.

– План боя продумал?

– Прикинул. Задачи ротным поставил, но все это «на авось».

С Шапошниковым на НП батальона были замполит полка Наумов и начальник штаба Филимонов. Тюкаева оставили на командном пункте полка для связи со штабом дивизии.

На душе у Шапошникова было нехорошо от предчувствия беды, но, посоветовавшись с Наумовым и Филимоновым, он все же решил отдать приказ на начало атаки, пока совсем не стемнело, да и Гришин уже два раза звонил и требовал начинать.

Около 7 часов вечера роты батальона Осадчего частично на лодках, плотках, а в основном вплавь перешли Судость.

Шапошников видел в бинокль, как фигурки его бойцов, выйдя на противоположный берег, быстро бежали через луг с кустарником к горе, как немцы, то ли прозевавшие переправу, то ли нарочно давшие возможность перейти реку всем, открыли огонь, когда цепочки атакующих уже начали подниматься в гору. Сначала огонь противника был довольно редким, и минут через десять бой шел на горе под Юрковом. В сумерках ход боя видно было плохо, Шапошников ждал первых донесений с того берега – вводить ли второй батальон, готовый к атаке, как с КП полка позвонил лейтенант Тюкаев.

– Товарищ командир, полковник Гришин спрашивает, как идет бой.

– Передай: переправились, бой идет в траншеях, для развития успеха готовлю второй батальон.

Но через десять минут поступило донесение, что противник атакует батальон с флангов, крупными силами, да Шапошников видел это и сам. Огонь со стороны немцев резко усилился, начали бить минометы, и скоро стало ясно, что батальон Осадчего от реки отрезан.

– Надо вводить второй батальон! – сказал Шапошникову Наумов. – Выручать надо, а то получится как с Леоненко!

– А если и этот батальон также? Теперь им ничем не помочь... «Эх, знали же, что авантюра – все равно лоб подставили!» – ругался Шапошников.

К ночи из батальона вышли около ста человек, мокрые, злые. Еще несколько часов с противоположного берега то и дело раздавались короткие очереди.

– Почти двести человек потерял! – ругался капитан Осадчий. – Полезли, «разведка боем»!

– Доложите в штаб дивизии об итогах боя, – вздохнул Шапошников, посмотрев на Филимонова.

Всю ночь он не сомкнул глаз, переживая случившееся, да и ждал звонка от Гришина с разнесом: «Нет, немец не дурак. Безусловно, здесь была подготовленная оборона, система огня, и мы должны были это предвидеть... Сейчас будут искать виновного. Хотя в корне эта операция была построена на риске. Виноват тот, чья это была идея. Но и он не мог предвидеть, что немцы так грамотно дадут по носу. Толь-

ко-только батальон восстановили...»

На КП батальона Осадчего Шапошников встретил сержанта Михаила Шикина, минометчика. В полку он был с кадровой, поэтому Шапошников знал его хорошо.

– Что с вами, Шикин?

Сержант встал, худой настолько, что невольно вызывал чувство жалости.

– Извините, товарищ капитан, задумался. Вернее, горюю. Осталось от роты нас всего четверо. Столько прошли, держались, а тут в одном бою – вся рота. Лейтенант Лисин погиб, Брызгалов Иван... – Шапошников, слушая, мысленно отметил: «Знаю, помню его...» – Волков Иван, Жохов Николай, Кулюхин, Замораев, Колесников», – Шикин тяжело вздохнул.

Лицо его, сухое, с влажными черными глазами, выражало такую боль, что Шапошников, обычно несентиментальный, дружески похлопал его по плечу:

– Ну, успокойся. Война, потери неизбежны. А нам надо жить. И мстить.

Рано утром в 771-й полк приехал заместитель начальника связи дивизии майор Бабур, посланный полковником Гришиным для проведения дознания. Выслушав доклады Шапошникова и Осадчего о ходе боя, по согласованию с командиром дивизии лейтенанта Тюкаева за неправильную информацию о ходе боя понизили в должности и перевели заместителем командира роты. Все понимали, что козла отпущен-

ния сделали из одного Тюкаева. Куда-то наверх пошла бумага, что конкретный виновный в провале операции наказан.

Через двое суток к Тюкаеву в роту пришли Шапошников и Наумов и сказали, что есть приказ полковника Гришина вернуться ему на прежнюю должность помощника начальника штаба полка.

– Ты извини нас, Вениамин. На войне всякое бывает... – сказал Шапошников.

– Я понимаю, – ответил Тюкаев, чувствуя в душе неприятный осадок.

Ему понятно было, что кто-то должен был быть наказан за неудачную операцию. Наказание это выпало ему, да и то чисто символически. Серьезного расследования причин поражения, он это знал, не было.

«Виноват противник... Вот так и бывает у нас: лошадь потерял – особый отдел затаскает, а батальон загубил – ничего...» – с горечью подумал Тюкаев.

Рота лейтенанта Вольхина в этом неудачном бою под Юрковом потеряла двадцать человек, и, что самое горькое для него, погиб сержант Вертьянов. Столько было пройдено с ним и пережито за это время, что смерть его Валентин воспринял как гибель родного брата. Сам он в этом бою жив остался, как сам считал, случайно...

Через три дня после боя под Юрковом в полк к Шапошникову приехал майор Кустов.

– Зарываться в землю. Встаем в глухую оборону. Слышал, что наши Ельню взяли?

– Слышал. А под Киевом как?

– Плохо. Несколько наших армий, похоже, в окружении. Давай «языка» срочно. И систему огня противника изучи досконально и как можно быстрее, даю трое суток.

– Работаем. Тридцать наблюдателей в полку. Но что толку ее изучать: стрелять все равно нечем. А немцы пограничные столбы ставят, кричат, что дальше не пойдут, – усмехнулся Шапошников.

– Дешевый приемчик. «Языка» давай сегодня же, – напомнил Кустов и пошел к машине.

Трое суток полк Шапошникова готовил оборону на Судости. Земля была сухая, погода стояла теплая – бабье лето, немцы не стреляли. Казалось, что война дала передышку, отчего и настроение становилось получше. Хотелось верить, что и зимовать придется в этих окопах, что противник наконец-то выдохся.

Сразу после того, как уехал майор Кустов, Шапошников вызвал своего помощника по разведке старшего лейтенанта Бакиновского.

– Есть у тебя кого послать сейчас же?

– Готовы группы лейтенантов Абрамова и Барского, да двоих подготовил для глубинной разведки, – ответил Бакиновский. – Оба добровольцы. Штатское им нашли, лапти, не бреются который день, даже листа березового насушили для

табаку. Сегодня провожать буду, пойдут оба с Абрамовым. Если пройдут, конечно. У Осадчего вчера два раза пытались – никак, приходится возвращаться, смотрят за нами хорошо.

– Место перехода наметил?

– Все до кустика изучил. До проволоки поведу сам.

Той же ночью группа лейтенанта Абрамова ходила в поиск и удачно: приволокли немца-майора.

Шапошников сначала не поверил: «Фельдфебель, наверное, не может быть, чтобы майор...»

– Реку переплыли незаметно, – скупно рассказывал Абрамов, юный лейтенант с острым носом и мальчишескими губами. – Подползли. Метров с пятнадцати атаковали траншею и блиндаж, гранатой уничтожил пулемет и четверых гитлеровцев, а этот вот выскочил из блиндажа – и прямо в руки.

Немец, действительно майор, стоял с отрешенным видом, держа руки по швам, как новобранец.

– Иоффе, спросите его: какой он части? – приказал Шапошников переводчику.

– Австрийской восемнадцатой танковой дивизии, начальник штаба батальона, – перевел Иоффе.

– Собираются ли они наступать?

– Говорит, что если ему дадут кофе и приготовят ванну, то он расскажет все, что знает.

Шапошников невесело усмехнулся:

– Кофе? Мы его не пьем, и не только на фронте, а ближайшая ванна, думаю, где-нибудь в Брянске. Сам в баню хо-

дил последний раз еще дома. Видно, тоже им несладко. Ишь ты, ванну захотел. – И Шапошников только сейчас подумал, что действительно они на фронте третий месяц, а помыться толком не пришлось ни разу. Даже умываться доводилось не каждый день, брились раз в три-четыре дня, а то и в неделю, по обстановке. – Переведите, что здесь фронт и удобств нет, – отрезал Шапошников.

Немец показал, что у них в полку ничего не слышно, когда будет наступление. Несколько дней они не получали никаких приказов. Сообщить какие-либо сведения о составе полка и его батальоне отказался категорически.

– Пожалуй, он действительно и сам ничего толком не знает. Отправьте его в дивизию, Бакиновский, – сказал Шапошников.

«Будут ли немцы наступать в скором времени? Загадка... Наступать, конечно, будут. До зимы им надо постараться выйти к Москве, – Шапошников не допускал и мысли, что немцы могут взять Москву. – Вопрос только в том, сколько времени у них уйдет на подготовку большого наступления... Если учесть, что против нас все время действуют одни и те же части, которые воевать начали от границы, понесли потери, измотаны не меньше нашего, и тоже долго не отдыхали и не пополнялись, то на подготовку большого наступления группе Гудериана потребуется не меньше десяти дней».

Через двое суток группа лейтенанта Абрамова привела пленного немца-сапера. Он сообщил, что у них каждый день

выводят по одной роте с передовой в тыл на отдых.

«Значит, двигаться вперед пока не собираются...» – решил Шапошников.

Каждый день затишья для дивизии полковника Гришина был поистине золотым. После тяжелейших июльских и августовских боев она оживала, набирала пусть и не прежнюю, но достаточную силу. Кроме окруженцев из разных разбитых частей в дивизию пришло несколько маршевых батальонов из Саратова, Куйбышева, Сибири, за счет чего были восстановлены все стрелковые полки. Хотя и не до штата, но пополнены батальоны, воссозданы все роты. Из управления кадров фронта пришло необходимое число командиров, которые заменили многих взводных-сержантов, а то и рядовых.

409-м стрелковым полком стал командовать майор Петр Князев, а батальонный комиссар Максим Михеев свои полномочия командира 624-го полка сдал майору Павлу Тарасову. Дивизия получила немного пулеметов, минометов, лошадей, автомашин, но с артиллерией дело обстояло все еще неважно. 497-й гаубичный артполк майора Малыха с учетом тех людей, что влились к нему из артполка Смолина, насчитывал около ста пятидесяти человек, но орудий у него имелось всего три.

В один из сентябрьских дней в блиндаж к Гришину пришел его комиссар Петр Никифорович Канцедал:

– Иван Тихонович, есть сведения о последнем бое комиссара ЛАПа Макаревича. Вот товарищ, вчера вышел из окружения...

– Лейтенант Ковалев, командир взвода управления дивизиона старшего лейтенанта Братушевского.

– Садитесь, товарищ Ковалев, – предложил Гришин, – рассказывайте.

– Было это девятнадцатого августа, – начал свой рассказ лейтенант Ковалев. – Наш дивизион оборонял мост через Ипуть на станции Сураж. Где-то после обеда показалась колонна немецких танков, завязался бой. Стояли все насмерть. Комиссар Макаревич сам стрелял из орудия, когда погиб расчет, это я видел. Били прямой наводкой, но снарядов у нас оставалось мало, всего по одному зарядному ящику на орудие. Потом ко мне прибежал посыльный от Братушевского, там же был и комиссар. Они приказали мне забрать всех раненых и тех, кто не связан с орудиями, показали маршрут, и мы с проводником, местным жителем, пошли на Унечу. Прибыли туда к утру следующего дня. А вечером с места боя пришел сержант Славянский, он и рассказал, что дивизион погиб, Братушевский и Макаревич тоже. Ночью мы с разведчиками ходили на место боя. Тела убитых Макаревича и Братушевского мы не нашли, местные жители рассказали, что бойцы похоронили их в воронках возле реки...

Гришин переглянулся с Канцедалом. Оба нахмурились.

– А о полковнике Смолине¹ и капитане Полянцеве вам ничего не известно?

– Нет. Связь с ними мы потеряли раньше.

– Спасибо, товарищ Ковалев. Идите отдыхайте.

Когда Ковалев ушел, Гришин достал папиросу.

– Вот, Петр Никифорович, еще одна страничка истории нашей дивизии... Что же произошло со Смолиным? Не хочется думать о нем плохо.

– Да, жалко Макаревича, жалко. Как бы там ни было, но честь полка он спас. Ты веришь, что они в одном бою подбили одиннадцать танков?

– Братушевский – сильный артиллерист. Его батарея и до войны была лучшей в полку. Был бы жив да знать бы все обстоятельства этого боя – подали бы на Героя.

– Да-а, – протянул Канцедал. – Из пяти комиссаров полков остался один Михеев. А Иванова мне что-то больше всех жаль...

– Из командиров полков один Малых остался, – добавил Гришин. – Потери, потери... Разве думали, что такого сильного состава не хватит и на три месяца войны. Сколько людей потеряли, и каких людей...

– И что, думаешь, напрасно? – спросил Канцедал. – Я слежу за обстановкой и по газетам, и, по-моему, нам доста-

¹ Полковник Т. Смолин оставшийся период войны провел в плену, в крепости для старших офицеров. После освобождения из плена по ходатайству И. Гришина за бои лета 41-го награжден орденом Ленина.

лось воевать с самой сильной группировкой немцев на всем фронте. И, думаю, воевали мы в целом неплохо.

– Да, это большое дело, что у нас кадровая дивизия, – сказал Гришин. – Если бы не это, давно бы от нас ничего не осталось.

– Да, костяк у нас сохранился, несмотря ни на что. Как думаешь, дальше не побежим – к Волге?

– Немец подвыдохся, это чувствуется. Но маневрирует лучше нас. Ты думаешь, у нас так уж намного по сравнению с ним меньше сил? Не всегда умеем ими как следует распорядиться – вот беда. Но уверен, что если по нам будет нанесен главный удар, выстоим. Сейчас все же выстоим.

– Это без артиллерии-то, Иван Тихонович?

– Удар танковой дивизии сдержим, готов спорить. Ты вспомни бои под Трубчевском. Чем тогда воевали?

– Да, иной раз кажется, что хотя нас и меньше, но стали сильнее, чем тот состав, с которым выехали на фронт. Воевать стали злее и увереннее. Нет, с таким народом воевать можно...

Ветеринарный врач капитан Набель, уставший за день, сидел в избушке у дороги, дожидаясь, когда сварится ужин. На дороге послышался шум мотора, и вскоре в избушку постучались.

– Можно на огонек? – спросил, открыв дверь, высокий мужчина.

Вошли двое.

– О, почти коллеги, – Набель посмотрел на эмблемы медиков, – а я конский доктор. Проходите. Капитан ветслужбы Набель, или проще, если сумеете выговорить, Никтополион Антонович.

Вошедшие недоуменно переглянулись, услышав необычное имя.

– Никтополион – значит занимающийся государственными делами ночью. Хотите, конятиной угощу?

– А фронт здесь с какой стороны? – спросил худощавый, с впалыми щеками. – Стрельба отовсюду...

– А что вы за птицы?

– Мне в полк майора Князева. Назначен врачом, – ответил высокий в не по росту короткой шинели и представился: – Военврач Пиорунский.

– А мне в медсанбат, – ответил второй. – Гуменюк Иван Иванович.

– Располагайтесь, переночуете, – предложил Набель, – утром покажу дорогу, – он достал из чугуна три куска мяса. – Любите конину?

– Как вам сказать... Не пробовал еще, – ответил Гуменюк. – А вы давно на фронте?

– С третьей недели войны.

– И все время в этой дивизии?

– Да. С формирования. Два раза судьба меня от нее отрывала и снова, чудом, возвращала.

– Повидали, значит, много чего?

– Выгрузились мы под Чаусами, – начал свой рассказ Набель, чувствуя, что нашел хороших слушателей. – Только с эшелона – стрельба. Я пошел узнать, в чем дело, – немецкие танки. Стали запрягать лошадей, а у нас у одной повозки сломалось дышло, пока я его заменял, гляжу – остался один. Пошел на восток. Спустился лесом по речке Проня, вышел в район Кричева, там, на шоссе, – поток людей, повозки, орудия, машины, и все спешат на восток. Случайно узнал, что ветчасть полка впереди. А самолеты их – ну просто издевались над нами. Под Кричевом затор, сбрасывают с дороги повозки, машины. Врача там нашего убило, пулей в спину, с самолета. Добрался до Рославля. Там войск полно, а понять ничего не можно, все движется вперед. Указок на дорогах нет, едем на Юхнов, какие-то войска идут и на Брянск. Наконец, дошел, до столицы осталось всего сто километров. Завернули нас оттуда к Брянску, потом снова оказался в Рославле, оттуда опять со многими приключениями попал в свою дивизию, и то хорошо, что Бодякшина встретил, нашего дивизионного ветврача, он думал, что я уж давно убит. Вот какой крюк по России пришлось сделать. Потом отступали на Стародуб, и, наконец, Трубчевск. Вот только здесь и начал конями заниматься, а то все было не до них.

– Да-а, – протянул Пиорунский. – Вот это одиссея... Скажите, а раненых много сейчас?

– Нет. Сейчас затишье. Я вижу, вы спать хотите? Давайте

я вам соломы постелю.

– А сами вы где ляжете?

– На лавке, не беспокойтесь.

Так началась дружба этих людей. На фронте они всегда были готовы к худшему, но верили в жизнь, хотя и отлично понимали, что всем дожить до Победы не удастся. Один из них не доживет до Победы всего несколько месяцев, когда позади будут такие испытания, что, казалось, сама судьба теперь должна бы смилостивиться и дать ему жить...

Роман Хмельнов, старший военфельдшер санроты полка Князева, прибывший в полк в середине сентября, несколько дней без сна и отдыха работавший на санитарной обработке прибывшего маршевого пополнения, после очередной бомбежки оказывал помощь раненым. К нему медленно подошел человек, тоже военфельдшер, судя по эмблемам в петлицах, среднего роста, с очень усталым видом.

– Здравствуйте, – не по-военному сказал он. – Я назначен военфельдшером батальона, со мной медсестра, совсем девочка. Голодные, конечно, но не в этом дело. Можно у вас отдохнуть? Завтра на рассвете мы уйдем.

– А сам откуда будешь?

– Из Ростова-на-Дону. Фамилия – Богатых. Иван Иванович.

– Хотите каши, селедка есть.

– Спасибо. А вы откуда?

– Из Москвы. Жена и сын там. Чувствую, вы на фронте

не первый день?

– Начал под Белостоком.

– А я под Кобрином, у Бреста. Отступали, значит, вместе, только разными дорогами.

И оба, еще не зная друг друга, почувствовали взаимную симпатию, потому что понимали: проделать такой путь и остаться в живых – многое значит.

«Вот как бывает: от самой границы отступаем, а встретились в глубине России...» – подумал Хмельнов.

Иван Богатых начал есть, но от усталости аппетита не было и, завернувшись в шинель, быстро уснул.

«Чувствуется, волевой парень, сообразительный, подтянутый. Не скажешь, что окруженец», – думал Хмельнов о новом знакомом. Сколько друзей и товарищей полегло за эти три месяца войны, несколько частей сменил он за лето, в этой дивизии ни с кем еще не подружился, а с этим человеком поговорили всего несколько минут – и уже хотелось дружить.

«Бывает же такое, – думал потом Роман Хмельнов. – Или повлияло то, что судьба оказалась примерно одинаковой, или еще что-то неуловимое, но когда утром Иван ушел в батальон, мы расставались, как старые знакомые. Как друзья...»

Эти люди пронесли свою дружбу, которая началась в брянских лесах, через десятилетия...

Утром 20 сентября, до завтрака, в блиндаж к полковнику Гришину вошел его первый адъютант лейтенант Серый, которого послали в Горький, как только дивизия вышла из окружения в Трубчевск.

– Товарищ полковник, здравия желаю! Шефы приехали! Подарков – одиннадцать грузовиков да три орудия, две легковушки...

Гришин вышел из блиндажа. Под соснами стояла колонна автомашин, из которых уже выгружали какие-то ящики, а вокруг ходили, оживленно переговариваясь, бойцы и командиры. Гришин подошел к группе штатских.

– Товарищ Рогожин! – поздоровался он с заведующим военным отделом обкома партии. – Здравствуйте! Как доехали? Как там дома?

– Здравствуйте, Иван Тихонович. Привет вам от земляков, от товарища Родионова. Как воюете? А то никаких вестей от вас два месяца. Вот вам письмо от жены.

Гришин взял конверт, в глазах его потеплело, но сразу читать письмо он не стал, положил в нагрудный карман гимнастерки.

– Как там в тылу?

– Народ у нас трудится, ждем от вас победы.

– Вот победы пока нет...

– Настроение, вижу, у бойцов хорошее, рвутся в бой.

– Да, настроение есть.

– Собрались на скорую руку, но кое-что привезли. Своим

ходом добрались, за неделю. А это от товарища Родионова подарок, – показал Рогожин на легковую машину.

– Спасибо, передайте ему от меня привет и благодарность.

– Передовую бы нам посмотреть, Иван Тихонович, с людьми поговорить. Мы писем много привезли. Как только узнали, что дивизия вышла из окружения, так жен в обком – целые делегации.

– Давайте сначала позавтракаем.

Весть о том, что приехали шефы из родного города, быстро разнеслась по дивизии. Читали письма от родных, и многие мысленно были в это время дома.

Полковник Гришин просмотрел областную газету. «Чувствуется, что глубокий тыл: даже фильмы в кинотеатрах идут, соревнования по французской борьбе... Странно, не верится», – думал он.

Гостям показали передовую, майор Малых стрелял по немцам из новых орудий. Он, кажется, подаркам рад был больше всех.

Гости побывали в полку Шапошникова, осмотрели оборону, сфотографировались.

– Снимки отдадим вашим женам, чтобы увидели документально, что вы живы, – сказал Рогожин, – и надо бы подготовить материал для статьи в газету, чтобы у нас там все знали, как вы воюете.

– А давайте прямо сейчас сядем и напишем, – предложил Канцедал, – я только Яманова позову.

– Прежде всего надо написать благодарность землякам за подарки, – предложил полковник Яманов, когда командование дивизии и делегаты собрались в блиндаже, чтобы написать письмо землякам, – и обязательно написать, что гордимся их успешной работой.

– Надо побольше отметить героев первых боев, – сказал Рогожин. – На их примерах нам пополнение воспитывать.

– Напиши о Фроленкове, что лично водил своих бойцов в атаку, его полк уничтожил передовые части гитлеровцев в первых боях, – сказал Гришин.

– О Нагопетьяне надо бы написать, – предложил Канцедал.

– Обязательно, только все названия населенных пунктов должны быть зашифрованы. А цифры можно давать, – сказал Яманов. – О Наумове напишите, дома его многие знают. Лично в одном бою убил семь гитлеровцев, чем обеспечил успех боя.

– О Братушевском можно подробно написать, – сказал полковник Кузьмин, начальник артиллерии дивизии. – Все же одиннадцать танков под Милославичами да тринадцать под Суражем. О лейтенанте Лебедеве надо бы написать: три танка подбил на Варшавском шоссе, в решающий момент боя. У Шапошникова в полку сколько героев: Терещенко, Похлебаев, Ленский, Чайко...

– Он и наградных листов написал больше всех: пятьдесят два, – сказал Яманов с гордостью. – Можно добавить, что,

несмотря на общую неблагоприятную обстановку на фронте, дивизия добилась серьезных успехов. За два месяца боев выведено из строя до девяти тысяч гитлеровцев, более восьмидесяти танков, десятки орудий, минометов, автомашин.

В тот вечер много было воспоминаний, разговоров, всем казалось, что война идет долго, а прошло всего три месяца...

Утром 27 сентября делегация горьковчан уехала на родину.

– Товарищу Родионову передайте, – сказал на прощанье Гришин Рогожину, – что дивизия к новым боям готова, люди настроены воевать до победы.

– Скажите, что резко возрос поток заявлений в партию, – добавил Канцедаль, – особенно от старых бойцов.

– Все передам, все расскажу, – пожимал им руки Рогожин, – будем готовить вам еще помощь. До свиданья, товарищи, берегите себя.

Они прощались, и одним из них суждено было воевать в этих лесах и остаться здесь навсегда, а другим – работать и работать, сутками, месяцами, годами, чтобы на фронте было все необходимое для победы. Делегация уехала, но если бы она задержалась еще хотя бы на три дня, ей пришлось бы разделить с дивизией и ее судьбу, по крайней мере, на ближайший месяц.

Кончался сентябрь, на фронте стояла тишина, но все понимали, что это ненадолго, впереди будут новые и еще более тяжелые, решающие бои.

Почти каждый день из дивизии Гришина в поиск уходили две-три группы, но «языка» взять не удавалось целую неделю.

Поздно вечером в блиндаж к Шапошникову заглянул старший лейтенант Бакиновский:

– Вернулся у меня один агент из глубинной разведки, товарищ капитан. Семь дней ходил, прошел вглубь до шестнадцати километров. Сведения, правда, общего характера и уже несвежие, но кое-что есть. Вот отметил по карте его данные, где и что у немцев стоит, да и то примерно – орудия, линии окопов.

– А второй не вернулся?

– Нет. Теперь уж не стоит и ждать, все сроки прошли. А этого немцы два раза брали, но почему-то отпускали. Группу лейтенанта Барского полчаса назад проводил в поиск...

– Хорошо. Давно собираюсь тебя спросить... Ты ведь в нашем разведбате еще до войны начал служить? Что там у вас случилось на Соже? Куда пропал батальон? Что произошло с Соломиным на самом деле?

– Да-а, такая сила была в батальоне... Пятьсот человек, бронемашины, двадцать мотоциклов, «амфибии». Столько готовились к войне, и все пошло прахом за неделю. На фронт мы выехали первые. Два выхода за Днепр сделали в первую неделю, а потом болтались в своих же тылах. Связи с Зайцевым у нас не было, оказались разные радиостанции. Да и

комбат Соломин стремился не лезть на глаза начальству. А тогда на шоссе... Вышли мы к нему на сутки раньше всех, Соломин приказал технику уничтожить, прорывались налегке. Я вывел человек сто, а Соломин так там и остался. Говорит, командир должен оставаться там, где его матчасть, тем более, мол, он ранен. Технику, конечно, можно было вывезти... А Соломина, мне потом рассказывали, партизаны расстреляли.

– А что он был за человек?

– Холёный. Кавалерист. В технике не разбирался. Коня своего напинает сначала, прежде чем сесть. А сядет – обязательно с фасоном. Конечно, его вина большая, что батальон всю матчасть потерял, поэтому нас и расформировали. Я первое время в штабе дивизии на подхвате был, потом к вам направили. Соломин же незадолго до войны вышел из заключения. А сидел за то, что жена у него полька. Может быть, из-за этого и была у него обида на советскую власть...

Шапошников задумался: «Сколько потеряли по своей же глупости, расхлябанности, оттого, что не знали толком людей...»

Вечером Шапошникову доложили, что группа лейтенанта Барского блокирована в скотных дворах за деревней Михновкой. Всю ночь оттуда раздавались выстрелы. Никто из группы не вернулся.

– Очевидно, все погибли, товарищ капитан. Можно не ждать, – с горечью сказал Бакиновский Шапошникову. –

Эх, Барский, Барский... Не сумел, видимо, проскочить незаметно. Лейтенанта Абрамова готовить? Это моя последняя группа, если не считать Шажка.

– Подождем, – ответил Шапошников, – готовьтесь лучше. Успех поиска должен быть гарантированным. Подумайте, как это сделать.

– Как сделать... Сколько ни думай, а все зависит от удачи. Оборона у немцев здесь сплошная, все подходы простреливаются. Может быть, опять разведка боем?

– За одного пленного платить десятками жизней?

На следующий день расчет сержанта Михаила Хренова из зенитно-пулеметной роты лейтенанта Николая Пизова подстрелил легкий бомбардировщик. Самолет сел на болото недалеко от штаба 771-го полка, и тут же к нему побежали десятки людей. Из кабины вылез летчик, но, видя, что к нему приближаются русские, застрелился. Второй пилот начал было отстреливаться, попал в одного, но и сам был убит наповал чьим-то выстрелом из винтовки. Пехотинцы, облепив самолет, как муравьи, вытащили из кабины третьего летчика.

– Ребята! – удивленно крикнул кто-то. – Да он же без ног! Смотрите – культяпки!

– Ишь ты, патриот фашистский, – со злостью сказал сержант Хренов. – Тащите его, ребята, в штаб полка.

– Молодец, – подошел к Хренову лейтенант Пизов, – у

тебя это четвертый?

– Два «мессера», «юнкерс», а теперь вот и «хейнкель», – довольно ответил Хренов.

– Кто подбил самолет? – спросил Пизова Шапошников, когда в штаб принесли на руках пленного летчика.

– Опять Хренов.

– Как это ему все время везет? – удивился Шапошников. – Один из всего полка сбивает! Самолет сильно поврежден?

– Сел на брюхо. Да его там уже разбирают все, кому не лень. Пулемет сразу куда-то утащили.

Лейтенант Николай Пизов был назначен Шапошниковым командиром зенитно-пулеметной роты после гибели под Суражом старшего лейтенанта Христенко. В полк он попал в трубчевских лесах, из окруженцев. Шапошников сразу обратил на него внимание: небольшого роста, глаза черные, упрямые и умные.

– Откуда выходите? – спросил тогда Шапошников Пизова.

– От Барановичей. Есть там недалеко такая станция – Мир. Склады охраняли.

– Правда, что немцы долетали до вас перед войной?

– То и дело. Нам говорили: идут двухсторонние маневры. Сейчас это даже дико вспоминать. Их диверсанты связь у нас начали рвать еще с десятого июня, связистов наших подстреливали. К двадцатому июня мы к этому настолько привыкли, что ночью исправлять связь и не ходили, дожидались утра.

– А в Трубчевск с кем выходили?

– Одно время сами по себе, потом к «пролетарцам» пристали. Командир наш бросил нас в первые дни войны, ушел домой на Украину.

«Надежный, толковый парень. Воевать будет честно, – подумал о нем Шапошников. – Этот не сбежит никуда».

Не успел Шапошников допросить пленного летчика, как к нему привели еще одного немца.

– А этот откуда? – невольно удивился он.

– Едет на мотоцикле, между Бакланью и Юрковом, там дорога у берега, и, видно, решил срезать угол, наши пулеметчики и подстрелили, – рассказал Бакиновский. – Лежит, колеса у мотоцикла крутятся. Решили сплавать – Богомоллов из роты Вольхина. Он и подстрелил. Сел в лодку – и на ту сторону. Как немцы его не увидели – удивляюсь. Спали, наверное. А этот фриц даже не ранен был, только каблук пулей отбило. Без оружия и ехал. Богомоллов подполз – он сам и руки поднял, и мотоцикл покатило – вполне исправный, ребята пробовали заводить.

– Да, вот так подарок. Иоффе, спросите его: куда он ездил?

– Возил приказ в штаб полка о переброске их дивизии на другой участок фронта, – перевел Иоффе.

Шапошников сразу оживился:

– Какой он дивизии? Восемнадцатой танковой?

– Да, а южнее, говорит, стоят части двадцать девятой моторизованной, четвертой и третьей танковых дивизий. Их

дивизия будет сменяться первой кавалерийской.

– Спросите его: когда они собираются наступать?

– Не знает, не интересовался. Говорит, что он до войны пекарем был, в Вене. Спрашивает, где у нас здесь почта.

– Это зачем ему?

– Хочет матери пятьдесят марок отправить, в плену они ему все равно будут не нужны.

Все засмеялись.

– Ну и фриц. От нас матери в Германию деньги посылать! Вот чудак-то.

– Тихон Васильевич, – попросил Шапошников капитана Филимонова, – срочно доставьте пленного в штаб дивизии.

«А ведь это интересно, что их дивизию отсюда снимают. Видимо, готовят группировку для удара», – подумал Шапошников и сказал Бакиновскому:

– Сегодня ночью надо обязательно взять еще одного пленного. Готовьте группу Абрамова.

– Разрешите я сам схожу, товарищ капитан.

– Разве больше некому?

– Шажок только вчера ходил, отсыпается. А Абрамов – что-то глаза мне его сегодня не нравятся: убьют еще.

Поздно ночью Бакиновский разбудил Шапошникова.

– Товарищ капитан, есть пленный, кавалерист!

«Неужели танковая дивизия уже ушла? Быстро...»

– Разбудите Иоффе. Как ты его приволок? Сам брал? – спросил Шапошников, затягивая ремень.

– Нет. Помните, я говорил, что есть у меня один юрист недоучившийся, бывший вор-наводчик из Одессы. Он и взял. Парень безответственный, но смелый.

Быстро допросив пленного, Шапошников позвонил в штаб дивизии. У телефона был майор Кустов.

– Алексей Федорович, только что привели пленного, из первой кавалерийской дивизии. Сегодня ночью они начали менять танкистов. Значит, тот пекарь-австриец сказал правду.

– Хорошо, – сонным голосом ответил Кустов. – Я доложу Гришину. Ты смотри: пятый пленный за две недели! А в тех полках, сколько ни ползают, ни одного.

30 сентября, перед обедом, командир роты лейтенант Вольхин сидел у своего блиндажа и сушил портянки, щурясь на осеннем солнышке. Было тихо, немцы не стреляли второй день, и поэтому напряжение спало, хотелось лежать и смотреть в небо, на бегущие белые облака. «Эх, за грибами бы сейчас...» – тоскливо подумал Валентин.

– Нет, я тебе точно говорю: Рот Фронт у них действует, – услышал Вольхин разговор за спиной. – Ну, сам посуди: позавчера десять снарядов упали и только два разорвались. Значит, кто-то их там испортил!

– Дождайся. Просто упали в болото, поэтому и не разорвались.

– Ну что ты мне говоришь? И в болоте рвутся так же, я

же знаю!

– Рот Фронт... Все они за Рот Фронт, когда за глотку его возьмешь. Помнишь, когда сюда от Трубчевска шли, колодец нам попался – битком набитый ребяташками мертвыми. Тогда еще немца взяли, шахтером оказался, руки свои показывал – «арбайтер». Вот тебе и пролетарий...

«А ведь обоим хочется верить, что есть в Германии Рот Фронт», – думал Вольхин. Первые дни они все наивно ждали, что в Германии вот-вот вспыхнет восстание рабочих...

За все время с начала войны Вольхин видел всего одного немца-антифашиста, который сам сдался, когда они выходили из окружения от Суража. Шел он с колонной несколько дней, как-то даже сходил в разведку. Относились к нему все хорошо, но из немцев он был явно исключением, и никто уже не верил, что в Германии осталось много антифашистов. Очень часто Вольхин и его товарищи видели таких немцев, которых и людьми-то назвать язык не поворачивался. Впрочем, этого немца-антифашиста тоже расстреляли под горячую руку, за день до выхода из окружения.

Он выплюнул травинку, достал пачку папирос, а с ней и свою записную книжку. Вольхин нарочно старался делать записи реже, суеверно думая, что как только кончится последняя страничка, так его и убьют. «А ведь из взводных, из старых, в батальоне я остался, пожалуй, один... Данилов убит, Серебренников тоже, Фирсов и Баринов ранены, Макарова и Цабута в Милославичах убило... Остальных он знал только

в лицо и, перебирая их в памяти, вспоминал, кого, где и как убило. – Пожалуй, так и моя очередь скоро дойдет, – равнодушно подумал Вольхин. Смерти он не боялся давно. Столько раз приходилось видеть, как погибают люди, что иной раз думал: то, что он еще жив, – случайность. Иногда Вольхин искал в своей душе предчувствия смерти. Он слышал от бойцов, что тот, кто должен быть убит, это предчувствует, но у него ничего такого пока не было, и снов никаких не снилось с самого дома. – На фронте три месяца, а как будто три дня. Сто раз могли убить, а все как-то везет и везет. Странная все-таки штука – жизнь человеческая... Судьба... От чего она зависит? Старшину нашего во сне убило, так и не понял, что его уже не будет никогда. А Лашов, пулеметчик, умирал целый день, в сознании...»

– Товарищ лейтенант, к командиру батальона, – вывел Вольхина из раздумий подошедший связной.

– Командир полка тебя чего-то вызывает, – сказал ему капитан Осадчий. – Заберут, наверное, из батальона.

– Никуда я не собираюсь, – удивился Вольхин.

– А ведь у вас высшее образование, товарищ лейтенант? – спросил Шапошников, когда Вольхин вошел в блиндаж командира полка и представился.

– Пединститут, товарищ капитан. Работал учителем в школе, математик.

– И чертить, конечно, умеете?

– Когда теоремы доказывал – чертил.

– Хотите работать в штабе?

– В штабе? – удивился Вольхин. – Не знаю. Не думал. Я же ничего не понимаю в штабной работе.

– Ничего, научим, – улыбнулся Шапошников.

«А как же рота? – подумал Вольхин, – Что скажут ребята?

Неудобно...»

– Можно подумать, товарищ капитан?

– Подумайте, – кивнул Шапошников.

К лейтенанту Вольхину он приглядывался давно. Как-то увидел у Осадчего схему обороны батальона – выполнена чисто, аккуратно и профессионально. Осадчий так чертить не умел.

– Кто это делал вам схему? – спросил его тогда Шапошников.

– Командир седьмой роты лейтенант Вольхин.

«Седьмая рота... Вольхин... – И Шапошников вспомнил, что этот лейтенант с ними с первых дней. Отличился под Трубчевском, в Милославичах, в Церковищах. Воюет грамотно, хотя и не кадровый. Скромный, аккуратный. Эти качества Шапошников ценил в людях особенно. – Можно сделать из него неплохого штабного работника, если есть задатки. Зачем держать такого человека на роте? – думал Шапошников. – Хотя сейчас в управлении полка все по штату, запас не помешает».

Вольхин вышел из блиндажа и столкнулся с писарем штаба сержантом Ляшко, которого он немного знал.

– Слушай, Петро, ты сам что конкретно в штабе делаешь? – спросил его Вольхин. – А то командир предлагает в штаб перейти.

– Соглашайтесь, товарищ лейтенант, если есть возможность. Командир у нас хороший, не смотри, что всего лишь капитан, – ответил Ляшко. – Выдержанный, никогда не орет, не матерится. Всегда разберется, обдумает. Он и меня давно натаскивает на штабную работу. Я ведь с первого курса МИ-СИ призван. Иногда карту сделаю, веду обстановку, дежурю по штабу. Учусь сводки составлять, приказы. Работа интересная, тем более для вас, математика. Да и военный опыт у вас теперь есть, так что справитесь. А что, разве из штаба кого-нибудь переводят, не слыхал вроде...

– А я откуда знаю? Вызвал Шапошников, предложил в штаб.

– Ну и соглашайтесь. Вам головой надо воевать².

Лейтенант Вольхин, капитан Шапошников, полковник Гришин, другие бойцы, командиры дивизии, да и в штабах армии и фронта, никто не догадывался, как круто через несколько дней изменится обстановка, что одним скоро придется погибнуть, а другим судьба выпадет пройти всю войну. ...Вторая танковая группа генерала Гудериана, закончив

² П. Ляшко, начав войну старшим писарем полка, закончил ее заместителем начальника оперативного отдела 33-й армии. После войны закончил академию, служил военным атташе в Афганистане, полковник в отставке.

операции в котле восточнее Киева, готовилась к решающему наступлению на Москву.

Простите пехоте...

Вечером 6 октября командующий 3-й армией генерал-лейтенант Крейзер вызвал на совещание командиров дивизий.

– Товарищи, – начал он, как всегда спокойно и деловито, – обстановка за последние дни резко изменилась. Гитлеровцы начали, по всей видимости, генеральное наступление. Танковая группа Гудериана из района Шостки вышла в район Орла. Есть сведения, что город уже у немцев. Другая их группировка подходит к Брянску.

Командиры дивизий недоуменно зашевелились, кто-то даже спросил:

– Как же немцы могут быть уже в Орле?

– Ставка дала директиву на отход нашей и тринадцатой армий, – продолжал Крейзер. – Общее направление отхода: линия Щигры – Фатеж.

– Триста километров назад! – ахнул кто-то из командиров.

– Показываю для каждой дивизии маршруты, – командующий подошел к карте. – Иван Тихонович, – Крейзер посмотрел на полковника Гришина, – твоя дивизия ставится в ударную группу. Сутки на сборы, и чтобы к утру девятого был за Десной в районе Салтановка – Святое.

Полковник Гришин посмотрел на карту: около восьмидесяти километров от Судости. А надо еще поднять дивизию,

собраться, и на все – двое суток.

Приехав после совещания к себе в дивизию, он приказал начальнику штаба полковнику Яманову подготовить приказ на марш к Десне.

– Срочно, Алексей Александрович, на все сборы только сутки, в ночь на восьмое выступаем. Немцы в Орле, а возможно, и в Брянске. Не сегодня завтра захлопнут нас здесь.

– Как прошла разведка боем? – позвонил Гришин Шапошникову.

– Чуть не взяли Юрково, – ответил Шапошников. – Немцы главные силы с нашего участка сняли. К преследованию нас, по-видимому, не готовы.

– Ясно. Быстро собирай все свое хозяйство, готовность к маршу – девятнадцать часов завтра. Пойдешь в авангарде. Приказ Яманов готовит, через два часа получишь.

Полк Шапошникова был самым сильным в дивизии, более полутора тысяч человек, поэтому Гришин именно его решил поставить в авангард, зная, что Шапошников и соберется быстрее всех, и сделает все как надо.

Всю ночь и весь день 7 октября в дивизии полковника Гришина была лихорадочная суэта: грузили на машины и повозки ящики с боеприпасами и продуктами, накопившимся за три недели имуществом, проверяли – все ли взяли, собирали повозки и автомашины в колонны, пряча их до начала марша в лесах.

– Что-то сомневаюсь я, что на отдых нас отводят, – сказал

Вольхину сержант Фролов, – собираемся как на пожар.

Больше всех обидно было уходить с насиженных мест начальнику инженерной службы дивизии майору Туркину. Почти три недели под его руководством готовила дивизия оборону, он лично побывал чуть не в каждой роте, впервые с начала войны подготовлено было все действительно как положено. И вот – все бросать.

– Немедленно бери саперный батальон и на машинах – к Десне, – Гришин показал Туркину точку на карте. – Как хочешь, из чего хочешь, но чтобы через сутки здесь было две переправы.

– А с минами что делать? Три дня назад получил, больше половины не успели по полкам развезти.

– Закопай, – без раздумий приказал Гришин. – И когда только успели накопить столько барахла, – выругался он, оглядывая колонну штаба дивизии, – как цыганский табор!

В ночь на 8 октября 137-я стрелковая дивизия полковника Гришина, оставив позиции на Судости, тремя колоннами двинулась к Десне.

К утру 9 октября все колонны, пройдя более шестидесяти километров, вышли к Десне. Изнурительный, безостановочный марш и бессонная ночь утомили всех, и полковник Гришин дал несколько часов на отдых.

Саперы майора Туркина сделали, казалось, невозможное: две переправы были наведены в рекордно короткие сроки.

Полковник Гришин, выйдя на высокий западный берег Десны, наблюдал, как огромный поток автомашин, повозок и людей, перейдя мосты, растекался по восточному берегу реки.

«Такая силища, и отступаем, – с горечью подумал он, – но чудо, что до сих пор нет ни одного самолета...»

– Дивизия перешла вся, Иван Тихонович, пошли обозы армии и госпиталя, – услышал Гришин сзади голос полковника Яманова, – и штаб наш весь за Десной.

– Надо и нам переправляться. Лукьянюк! Быстро сматывайте связь – и на ту сторону.

Но не успел полковник Гришин подойти к переправе, как над ней пролетела тройка самолетов. Засвистели падающие бомбы, и одна из них разорвалась прямо на мосту. Видя, как шарахнулись лошади и люди, услышав крики и ржание раненых лошадей, Гришин зло махнул рукой: «Ну вот, теперь придется вплавь...»

Капитан Лукьянюк, почти весь батальон которого был за Десной, у разбитого моста выше реки нашел пару бревен. Связав их ремнем, он столкнул бревна в воду, и, разгребая одной рукой, поплыл к тому берегу. Десятки людей также кто на чем переплывали Десну, когда переправа была разбита. «Ничего нет глупее сейчас утонуть... Надо было с батальоном переходить, досидел до последней минуты...» – ругал себя Лукьянюк.

Недалеко от берега он спрыгнул в воду, оказалось по

грудь, но пошел, чувствуя, как все тело пронизывает холод. Ночью выпал снег, первый снег, подморозило, и шинель на берегу быстро замерзла. Пробежав метров триста от берега, пытаясь согреться, Лукьянюк услышал шум. Это оказался полковник Яманов. Его плащ-палатка, покрывшаяся ледяной коркой, шелестела об кусты.

– Давай выжимай одежду и погрейся в кабине, – показал ему Яманов на машину. – Можешь немного поспать.

Здесь же были Гришин с Канцедалом. Несколько десятков человек сидели у костров, просушивая одежду.

– Немедленно подготовь записки Князеву, Шапошникову и Тарасову, – подошел Гришин к Яманову. – Шапошникову взять Святое и обеспечивать переправу с юго-востока. Князеву выйти к Салтановке и обеспечивать переправу от атак противника с северо-востока. А Тарасову – ударить на Алешенку и идти к Навле. Это будет отвлекающий удар. Пусть свяжет там как можно больше сил немцев.

Яманов посветил на карту фонариком.

– Да, главные силы армии пройдут между Святым и Салтановкой, – добавил Гришин.

– Это на участке всего пять километров шириной? – удивился Яманов. – А мы раскидаем дивизию по разным сторонам, потом и не собраться будет.

– Это приказ Крейзера, – жестко ответил Гришин. – Наша задача теперь – прикрыть переправу, чтобы прошли все армейские обозы.

– А потом, значит, в арьергарде пойдем?

– Пока не знаю. Там видно будет. Перед нами опять танковая дивизия. А может быть, и больше, – тяжело вздохнул Гришин.

Полк капитана Шапошникова два дня, 9 и 10 октября, отбивал атаки противника на армейские переправы, с боем взял Святое и занял здесь оборону. Немцы все это время атаковали его участок, словно нехотя, хотя и имели здесь тридцать танков. «Боятся потерь, – понял Шапошников. – В общем-то, главное для них сейчас уже не здесь. Видимо, рассчитывают, что обозы свои мы и так бросим...»

К вечеру 11 октября у Шапошникова под рукой осталась всего одна рота. Еще утром комбат-3 старший лейтенант Андросенко, сменивший раненого Чижова, доложил, что полковник Гришин лично приказал ему остаться в Святом и прикрывать обозы армии с тыла. Потом комбат-1 старший лейтенант Калько сообщил, что Гришин забрал у него одну роту для охраны штаба дивизии, а потом и сам куда-то пропал с двумя оставшимися с ним ротами. Под вечер Гришин сам нашел Шапошникова.

– Калько я у тебя забрал, – не поздоровавшись, сказал он Шапошникову, – Андросенко оставил в Святом. Давай выходи с Осадчим восточнее Алешенки и будешь наступать на Навлю.

Гришин был очень возбужден, и хотя Шапошникову было

обидно и неприятно, что командир дивизии отдавал приказы через голову командира полка, все же решил промолчать. И так все было на нервах который день.

Когда Шапошников с батальоном Осадчего вышел на рубеж развертывания для атаки на Навлю, к нему снова приискал на коне полковник Гришин. Он был даже без охраны.

– Противник вон на той опушке, возможно – до батальона. Атаковать будешь полем.

Шапошникову еще не приходилось выслушивать приказы и выполнять их в такой спешке, на ходу, хотя вроде бы чего только с ним не бывало с начала войны.

– Лесом же удобнее, – возразил он Гришину, – а так, в поле, перебьют, как зайцев.

– Лесом пойдет другая дивизия. У тебя отвлекающий удар, – тоном, не терпящим возражений, отрезал Гришин.

– Да у меня на фланге семьдесят автомашин пехоты противника, раздавят нас, если пойдем полем!

– Выполнять приказ! – оборвал Гришин Шапошникова и стал садиться на коня.

– Осадчий! – позвал Шапошников комбата-2. – Готовься к атаке через поле. Батальон разверни пошире. И не торопись, понял?

– Да чего он хочет-то? Не понимаю! – рассердился Осадчий, слушавший в стороне весь разговор с командиром дивизии.

– Бесплезно с ним сейчас спорить. Не знаю, что у него

сейчас за планы.

Как только батальон развернулся на опушке для атаки через поле, на фланге показалась группа немецких танков.

– Осадчий! Немедленно уводи батальон в лес! – закричал Шапошников. – «Хватит и этой демонстрации».

Подъехал на уставшем коне командир взвода разведки лейтенант Шажок.

– Никакого соседа справа у нас нет, товарищ капитан, – доложил он Шапошникову.

«Ну вот, а обещал дивизию... – с досадой подумал Шапошников. – Зачем было обманывать? Сказал бы прямо, что атака батальона – демонстрация, чтобы отвлечь немцев от главных сил дивизии».

– Товарищ капитан, – к Шапошникову подошел лейтенант Тюкаев, – представитель штаба армии вас спрашивает.

Шапошников узнал полковника Ивашечкина.

– Какую выполняете задачу, капитан?

– Готовлю атаку в направлении Навли, – ответил Шапошников.

– Какие силы у вас под рукой?

– Батальон.

– Приказ отменяю. Следуйте с батальоном прямо по просеке, там, километрах в трех, найдете штаб армии. Будете его охранять.

– Слушаюсь, товарищ полковник, – с облегчением воскликнул Шапошников. Этот приказ означал, что, по крайней

мере, в ближайшие часы ни он, ни его люди не погибнут напрасно. – «Теперь надо Гришина искать...»

– Бакиновский! Берите взвод Шажка и поезжайте найдите полковника Гришина. Доложите, что Ивашечкин снял нас отсюда на охрану штаба армии.

Найдя штаб армии в густом ельнике, припорошенном снегом, Шапошников представился первому попавшемуся полковнику.

– Займите батальоном круговую оборону по всему периметру расположения штаба, – приказал полковник.

«Ну вот, еще не лучше: потом батальон и не собрать будет», – огорчился Шапошников.

В лесу, где расположился штаб 3-й армии, бродили группы людей, что-то зарывали, жгли какие-то бумаги, тут же ели, сидя на снегу. Многие спали на нарубленном лапнике, прижавшись друг к другу.

Вечером полковник Гришин сам нашел Шапошникова. С ним было несколько конных.

– Ты как здесь оказался? Почему меня не искали?

– Полковник Ивашечкин приказал охранять штаб армии.

– Срочно собирай батальон и выводите его вот сюда, смотри на карту... – Гришин открыл планшет, – Борщево – Литовня. Здесь будем прорываться. Ищи меня в домике лесника вот здесь. Жду завтра к восемнадцати часам. Пойдем ночью. – Гришин нахмурился и тяжело вздохнул: – Есть сведения, что против нас действуют части еще двух дивизий кроме восем-

надцатой танковой. Да, обстановочка... Надо бы изо всех сил держать сейчас Гудериана за хвост, а то он и до Москвы дойдет...

Гришин, когда узнал, что они в окружении, подумал, что гитлеровцы свои главные силы бросили вперед, по большаку на Тулу, но это оказалось не так, и против них были оставлены крупные силы, так что надеяться в этот раз на легкий выход из окружения было нечего. Была лишь надежда, что выйти на восток лесами будет все же проще.

– Что делать с обозом? – спросил его Шапошников.

– Все еще таскаешь? Давно пора бросить. Возьми все, что можно, продовольствие прежде всего, а остальное – закопать или сжечь.

624-й стрелковый полк майора Тарасова, 11 октября брошенный под деревню Алешенка для нанесения отвлекающего удара, мысленно был списан Гришиным с баланса сил дивизии, поэтому он удивился и обрадовался, когда комиссар полка Михеев нашел его днем 14 октября в лесу под Литовней.

– Как ты нас нашел? Задачу выполнил? Что с полком? – быстро спрашивал его Гришин.

– Бой вели весь день одиннадцатого. Уничтожено до трехсот гитлеровцев, тридцать пять автомашин, четыре орудия, две бронемшины, танк, – хмуро и устало докладывал Михеев. – Держались бы и еще, но к противнику из Навли по-

дошло сильное подкрепление: двадцать танков и до двух батальонов пехоты.

– Потери большие? – спросил его Гришин.

– Почти ничего не осталось. Раненых двадцать повозок...

– Да, плохо. Сейчас мы пойдем на прорыв, будешь идти вторым эшелоном. Где у тебя командир полка, не потеряли? – спросил Гришин. – Не прозевайте, когда прорвемся, а то останетесь здесь.

Михеев пошел к своим людям. Колонна его полка, сбившаяся повозками в кучу, на первый взгляд представляла внушительную силу, но боеспособность ее равнялась нулю. Люди были измотаны до предела, раненые на повозках стонали, непрерывно просили пить, медики еле держались на ногах от усталости, атмосфера и настроение были гнетущими. Все понимали, что близятся события, которые решат судьбу каждого, кто оказался в этом лесу.

Старший лейтенант Шкурин, или, как его звал Михеев, Саша, потому что он годился ему в сыновья, в 624-м полку находился всего три недели, но успел зарекомендовать себя настоящим бойцом и коммунистом. Под Алешенкой он по своей инициативе принял командование ротой, когда командир был ранен, дрался умело и отчаянно: почти все автомашины из тех тридцати пяти были уничтожены его ротой, сам Шкурин гранатой подбил бронетранспортер, да и немцев уложил с десятков. За этот день он ни разу не вспомнил, что он не командир стрелковой роты, а уполномоченный особо-

го отдела полка.

– Сколько у тебя сейчас в роте людей? – спросил его Михеев.

– Двадцать два человека, политрук Кравцов и я.

– Саша, тебе придется идти на прорыв последним: надо обеспечить вывоз раненых. Сам сопровождай повозки и смотри за всем. Я в тебя верю...

– Конечно, товарищ комиссар, я понимаю.

– Себя береги, на рожон не лезь... – голос у Михеева дрогнул.

– Надо бы построить людей и поговорить, товарищ полковник, – подошел к Гришину полковой комиссар Кутузов, начальник политотдела дивизии.

– Да-да, обязательно. Заодно и задачу доведем.

Минут через десять к Гришину, сидевшему на пеньке с картой, снова подошел Кутузов.

– Люди построены, товарищ полковник.

– Скажите сначала вы... – Гришин тяжело поднялся с пенька и посчитал глазами выстроившихся на поляне людей. – «Человек двести всего...»

– Я из полка Тарасова не строил людей, пусть отдыхают.

– Правильно. Начинайте.

– Товарищи! – громко и уверенно сказал Кутузов. – Сейчас мы пойдем на прорыв. Все вы представляете, что нас ждет. Не хочу от вас ничего скрывать, будет очень тяжело. Многим из нас придется погибнуть, но идти надо. Если бу-

дем действовать дружно и смело, то задачу выполним и останемся живы.

Гришин смотрел на осунувшиеся, усталые лица своих бойцов и думал: «Если к утру останется нас хотя бы половина...»

– Лукьянюк! Сколько здесь ваших людей? – спросил Гришин командира батальона связи.

– Человек пятьдесят, товарищ полковник. Те, кто в масках, все мои.

Остатки батальона связи выделялись в строю не только внешним видом (остальные были кто в чем – в фуфайках, в шинелях), но и какой-то внутренней слитностью. Чувствовалось, что эта группа – коллектив, боевая единица.

– Кто не уверен в себе, пусть выйдет из строя, – продолжал Кутузов. – Пойдете со вторым эшелоном.

Строй не шелохнулся, казалось, наоборот, все после этих слов еще больше слились воедино.

– Товарищи! Запомните, что в этот бой все идем коммунистами! – закончил Кутузов.

– Командиры подразделений – ко мне, остальные – разойтись, – скомандовал полковник Гришин.

Никогда еще ему не приходилось продумывать план боя в такой обстановке и такими силами. Названий подразделений и частей вроде бы и много, но сейчас нельзя было оперировать привычными мерками. Наиболее боеспособной единицей оказались сейчас не стрелковые полки, а батальон связи.

– Точное местоположение противника установить не удалось, Иван Тихонович, – присел с Гришиным полковник Яманов. – Три группы послал на разведку, и ни одна не вернулась. Лес мешает, заблудились или на противника нарвались. Предположительно, немцы не только в Литовне, но и южнее ее, за просекой.

– А севернее?

– Там до батальона с пулеметами.

– Пошли туда Шапошникова, прикроет нас во время прорыва. Я сейчас задачу поставлю и сходим с тобой к Литовне, посмотрим. Федор Михайлович, – позвал Гришин Лукьянюка, – от меня ни на шаг. Батальон пусть ведет Ткачев.

Пройдя метров пятьсот в направлении Литовни, Гришин и Яманов встретили группу своих бойцов.

– Пономарев? Вы как здесь? – узнал Гришин поднявшегося с земли бывшего командира дивизиона легкоартиллерийского полка Смолина.

– В дозоре, товарищ полковник. По приказу майора Малыха. Наблюдаем за противником.

Вместе с группой Пономарева Гришин и Яманов редколесьем вышли на опушку. За лугом с редким кустарником стоял густой ельник.

Гришин лег на снег, всматриваясь в чуть припорошенный снежком ельник. Было удивительно тихо, какая-то посвистывавшая птичка лишь подчеркивала эту тишину.

Минут пять Гришин тщательно изучал в бинокль опушку

леса за лугом. Никаких следов присутствия немцев не ощущалось, даже снег перед опушкой лежал нетронутым.

– Пономарев, а вы сами ходили к опушке?

– Не ходил, товарищ полковник, но полчаса назад оттуда стреляли.

«Тоже мне, разведчик... А если тут и нет никого?»

– Пошлите двоих к опушке, – приказал Гришин.

– Я сам схожу, товарищ полковник, – ответил Пономарев.

Когда Гришин готов был сказать, что вот, никого за лугом в лесу, как на самой опушке на Пономарева набросились двое немцев, сбили его с ног и потащили в глубь леса.

«Как глупо все получилось, – ругал себя Гришин. – Конечно, он пошел на смерть, чтобы доказать мне, что не трус...»

– Возвращаться надо, – с укором посмотрел на Гришина полковник Яманов.

– Прорываться будем здесь, да и все равно больше нигде и выбирать некогда, – вставая с земли, сказал полковник Гришин. – Начало движения – двадцать часов.

К назначенному времени отряд полковника Гришина вышел на рубеж развертывания и по сигналу красной ракеты, в полной темноте, без выстрелов ринулся через луг в лес. Противник почти сразу же открыл плотный пулеметный огонь, но масса людей, с решимостью идущих на смерть, бежала на вспышки выстрелов, не обращая внимания ни на что.

Лейтенант Андрей Червов, радиотехник батальона связи,

перед прорывом назначенный командиром отделения в роту старшего лейтенанта Михайленко, сразу же после вспышки ракеты поднявшийся вместе со всеми, бежал на выстрелы, не чуя ног, хотя всего лишь час назад мог с трудом подняться с земли.

Краем глаза Червов видел, как единственное их орудие, сделавшее всего два-три выстрела, было накрыто серией мин, как вздыбились кони от близких разрывов, как слева и справа спотыкались, падали, кричали, стреляли и бежали его товарищи. Он даже сразу не понял, что луг, метров двести в глубину, уже проскочили, начался ельник, и только когда он споткнулся об убитого немецкого танкиста и увидел рядом остов танка, броню которого лизал огонь, понял, что они среди немцев.

Рядом густо застучал пулемет, ярко вспыхнули кучи хвороста. Андрей упал, но, услышав чью-то команду «Вперед!», снова поднялся и побежал в темноту, боясь, что столкнется лоб в лоб с немцем. По всему лесу шел частый треск автоматных очередей и винтовочных выстрелов, слышались немецкие лающие команды и русская матерщина. Мимо Червова, чуть не сбив его, проехали, давя мелкий ельник, два броневика.

Уже совсем обессилевшего, его примерно через полчаса догнали несколько наших повозок, но никто не посадил, потом обогнали два наших танка. Перед рассветом, в глухой темноте, Червов услышал, наконец, голоса своих. Он из по-

следних сил подошел к сидевшей на снегу группе и тоже сел, прислонясь головой к сосне. В висках стучало, спина была мокрой от пота, во рту жгло от сухости, а Андрей, глотая снег, думал одно: «И в этот раз все-таки остался жив...»

Командир 771-го полка капитан Шапошников, оставленный с батальоном капитана Осадчего прикрывать прорыв отряда Гришина, весь день 14 октября вел огневой бой с крупной немецкой частью. Никакого приказа от полковника Гришина не поступало, и Шапошников решил действовать по своему усмотрению. Решение двигаться вслед за отрядом Гришина представлялось ему крайне рискованным: в месте прорыва шел ожесточенный бой. Причем результат боя в пользу своих представлялся Шапошникову сомнительным.

– Давай думать, – сказал он Наумову, – или пойдем на прорыв вслед за командиром дивизии, или другим маршрутом.

– А сам как думаешь, Александр Васильевич?

– Если пойдем за Гришиным, то прорвемся или нет – как получится. Они сейчас как магнит притянули к себе немцев, и те не отпустят их долго, пока в леса не войдут или не уничтожат. Если даже и встретим Гришина, что маловероятно, то он нами опять прикрываться будет или опять дыру какую-нибудь заткнет, а это опять ближе к гибели, если нас еще при прорыве не перебьют.

– Да, это точно... – задумчиво произнес Наумов.

– Поэтому предлагаю: в бой не ввязываться, район прорыва обойти южнее и двигаться дальше на восток параллельно колонне Гришина.

– Сделать ход конем? – с надеждой спросил Наумов.

– Да, примерно так. Нам, главное, сам понимаешь, людей сохранить. До победы еще воевать и воевать. Ну, допустим, вступим мы сейчас в бой – что это даст? Лишние жертвы. А через неделю-месяц с кем воевать останемся? А Гришина, если повезет, в Ельце встретим, там пункт сбора всей третьей армии.

– Не подведем ли мы его этим своим маневром, Александр Васильевич? Кто знает, они там, может быть, кровью истекают и нашей помощи ждут, а мы стороной пройдем.

– Ты думаешь, он нас еще ждет? Вряд ли... Сходи к Осадчему и Терещенко, пусть выводят своих людей сюда. Семен Иванович, – позвал Шапошников своего зама по тылу капитана Татарина, – продукты, все что можно, раздать бойцам, остальное уничтожить или закопать, спрятать, как хочешь. Лошадей распустишь, машины сжечь, и, пожалуйста, все это надо сделать побыстрее.

– С таким трудом все это доставал и все бросить? – тяжело вздохнул Татарин. – Может быть, попробуем все же вывезти?

– Нет, Семен Иванович, с обозом нам не выйти вообще. Ну, сам подумай: почти триста километров! Сержант Ляш-

ко! – позвал Шапошников старшего писаря штаба полка. – Возьмите в машине все документы и положите их в противогозные сумки. Отвечаете за них головой.

– Есть товарищ капитан, – ответил Ляшко.

Тогда он не мог и представить, что такое простое задание – вынести две противогозных сумки с бумагами – не будет им выполнено...

Батарея лейтенанта Терещенко, приданная на время боя под Алешенкой полку Тарасова, все же догнала своих в лесу под Литовней. Комиссар полка Наумов, встретив Терещенко, приказал ему распустить лошадей, орудия привести в негодность и догонять своих.

– Последний снаряд остался, – сказал Терещенко. – Может быть, выпустить его?

– Не надо привлекать внимания, – остановил его Наумов.

К ним подошел сержант Ленский, в руках его была панорама от орудия.

– А расчет где, Ленский? Что с орудием?

– Пока получал задачу от майора Тарасова, вернулся – орудие разбито, из расчета никого, ни живых, ни убитых, только Боярский, ездовой. А это – как доказательство, – протянул Ленский панораму Терещенко.

– Все ясно. Иди, догоняй наших, они метрах в трехстах отсюда, – показал Терещенко направление. – А мы следом. Орудия уничтожим и догоним.

Борис Терещенко, командир батареи, лично снял замки со своих последних трех орудий, побросал их в кусты, сел на корточки и задумался. «Вот и кончилась моя батарея... Ну, ничего, двадцать танков мы все же уничтожили, счет в мою пользу...»

– Двух лошадей забили сейчас на мясо, остальных распустили. Пора двигаться, Борис. – К Терещенко подошел его политрук Евгений Иванов.

Судьба разведет их всех – Терещенко, Иванова и Ленского. И получилось это потому, что догоняли колонну полка они все по разным тропинкам огромного брянского леса...³

Разделившись на две части, батарея полка догоняла свой полк. С Борисом Терещенко пошли полтавчане, считая, что их командир, сам полтавский, поведет их на Украину. Когда они поняли, что Терещенко ведет их на восток, все ушли от него ночью, и Терещенко остался вдвоем с грузином-коноводом. Догнать свой полк ему не удалось, попал в другую часть, получил назначение на должность командира батареи и воевал, так и не зная, что же стало с Ивановым, Ленским, Шапошниковым. Политрук Иванов со своей частью батареи колонну Шапошникова догнал.

А сержант Ленский с ездовым Боярским, свернув в лесу

³ Сержант Е. Ленский находился в концлагере в Навле, потом в Германии. После освобождения из гитлеровского концлагеря получил 10 лет лишения свободы. За каждый подбитый немецкий танк отсидел в советском лагере по году... Он был представлен А. Шапошниковым к ордену Красного Знамени, но документы погибли в окружении. Награды за 10 танков Е. Ленский так и не получил.

не на ту тропку, своих догнать не сумели и через несколько дней напоролись на группу конных немцев. Бежать не было смысла. Отстреливаться – нечем. Их разули и втолкнули в колонну таких же бедолаг. Через несколько часов они оказались в Навле, за колючей проволокой...

Поздно вечером колонна капитана Шапошникова, спешно собравшись, вышла в направлении станции Локоть, от места прорыва отряда Гришина и главных сил 3-й армии взяв резко к югу. Глухой ночью колонна прошла по окраине станции, рискуя напороться на немцев, и уже за полночь, пройдя без остановки более двадцати километров, вышла к мелиоративным каналам.

– Не знаю, где они кончаются, и справа и слева прошел метров по триста – везде вода, – подошел к капитану Шапошникову старший лейтенант Бакиновский, начальник разведки полка.

– Придется идти вперед. Возвращаться и ждать больше нельзя. Если до рассвета не войдем в лес, немцы нас заметят, – сказал Шапошников.

Прошли по грудь в ледяной воде один канал, за ним, метрах в пятидесяти, второй, третий.

– Какой Сусанин нас сюда завел? – слышал Шапошников чей-то злой голос. – Да будет ли им и конец!

Только к рассвету люди вышли к лесу, на сухое место.

– Может быть – костерок? – подошел к Шапошникову ка-

питан Филимонов, цокая зубами от холода.

– Не может быть и речи, Тихон Васильевич. Углубимся в лес, тогда и обогреемся.

Когда часа через два колонна встала на дневку в густом сосновом бору, обмундирование на всех было почти сухое.

– Тихон Васильевич, соберите всех командиров, – подошел Шапошников к Филимонову. – Людям можно отдыхать. Костры жечь, но небольшие.

Шапошников больше недели спал один-два часа в сутки. Голова гудела от напряжения, мысли ворочались, словно жернова на мельнице, мучили боли в желудке, но он все же удержался от соблазна присесть, только прислонился спиной к сосне. Бойцы, услышав команду «Привал!», большей частью, наскоро наломав лапника, повалились спать, лишь несколько человек раздували костры.

Минут через десять подошли все командиры, что оказались в колонне.

«Филимонов, Тюкаев, Наумов, – считал Шапошников глазами подходивших, – Бакиновский, Меркулов, Осадчий, Степанцев, Бородин, Иоффе, Татаринов, Пизов, Бельков, – фамилии еще троих лейтенантов он не мог сразу вспомнить. – Где же Шажок? Кого-то еще не стало...» – но напрягать память было тяжело, и Шапошников, прокашлявшись, сказал:

– Товарищи командиры, я собрал вас, чтобы вместе поговориться, как быть дальше, как мы будем выходить из

этого окружения. Большинство из вас не в первый раз в таком положении, но, наверное, это окружение будет самым тяжелым. И не только потому, что предстоит пройти не одну сотню километров и погода не летняя. Где сейчас линия фронта, мне неизвестно. Возможно, противник подходит к Москве. И наше место на фронте, мы остаемся регулярной частью Красной Армии. Выйти надо, чего бы это ни стоило, и, главное, как можно быстрее, и сохранить при этом людей. Если будем действовать так же дружно и с таким же настроем, как раньше, то к своим обязательно выйдем. Сегодня весь день отдыхать, надо набраться сил. Двигаться будем в основном ночью. Пересчитайте в своих подразделениях людей, оружие, боеприпасы, продукты – до сухаря. Все должно быть на строгом учете. И все сведения – начальнику штаба полка. При движении в головном дозоре пойдет лейтенант Пизов, маршрут разработаем подробно сегодня. Лейтенанта Степанцева назначаю ответственным за снабжение колонны продовольствием. Какие будут предложения, вопросы?

Все стояли молча.

– Если все ясно и никаких вопросов нет, то прошу идти к своим людям.

– Обязательно переговорите с каждым, – добавил политрук Наумов. – Настройте людей на оптимизм.

– Семен Иванович, – повернулся Шапошников к Татаринovu, – подсчитайте все продукты, что у нас есть, спросите каждого бойца, и все в общий котел. Подберите из ездových

покрепче носильщиков.

– Иди приляг, Александр Васильевич, бойцы веток нало-
мали, плащ-палаткой накрыли – как перина, – подошел к
Шапошникову Филимонов.

В саперный батальон 137-й стрелковой дивизии связной
с приказом на прорыв прибежал утром, когда прорываться
вслед за колонной полковника Гришина было, в общем-то,
поздно. Оказавшийся в батальоне майор Зайцев, началь-
ник разведки дивизии, собрал командиров на совет. Подо-
шли старший лейтенант Ремизов, командир саперного ба-
тальона, его комиссар политрук Моисеев, артиллерист ка-
питан Малахов, начальник снабжения дивизии майор Ефре-
мов, несколько человек политработников и медиков, группа
из особого отдела дивизии.

Надо было кому-то возглавить оказавшихся вместе людей,
но никто не решался взять это на себя.

– Товарищ майор, – обратился к Зайцеву политрук сапер-
ного батальона Моисеев, – командуйте вы, как старший по
званию.

– Может быть, лучше вы? – посмотрел Зайцев на капитана
Малахова. – Я неважно себя чувствую, и вообще... – он не
закончил фразу.

Брать на себя ответственность за судьбы сотен людей май-
ор Зайцев считал себя не вправе, и вообще он хотел пред-
ложить выходить из окружения мелкими группами, а не ко-

лонной.

– Какая теперь разница? Ну, давайте командовать вместе, если так, – рассердился Малахов. – Командуйте вы, вас все знают.

– Хорошо. Тогда соберите людей, пересчитайте всех.

На разбитой дороге показался забрызганный грязью «козлик».

– Что вы стоите здесь, еще можно прорваться вслед за командиром дивизии!

Зайцев узнал в выглянувшем из машины человеке прокурора дивизии Ваксмана. Глаза их встретились. Зайцев не любил этого человека, а после унижительной процедуры трибунала, когда ему пришлось оправдываться, почему он в августе вышел в Трубчевск, а выход колонны штаба дивизии не обеспечил и не вернулся к Гришину, просто ненавидел.

– Так догоняйте и прорывайтесь, – сквозь зубы ответил ему Зайцев.

Ваксман сел в машину, с силой захлопнул дверцу и поехал по направлению к месту прорыва.

Минут через десять «козлик» с Ваксманом вернулся.

– Обстреляли, – тихо и виновато сказал он.

Майор Зайцев даже не посмотрел на него, углубившись в изучение карты.

– Предлагаю идти не на восток, за Гришиным, а на север. К Брянску. Там и леса погуще, проще будет идти, и безопаснее, – предложил Зайцев Малахову.

– Как же мы тогда в Елец выйдем?

– А тебе обязательно именно с Гришиным воевать? «Мне вот что-то больше не хочется под его командованием быть», – подумал он про себя. – Готовы к движению?

– Готовы, – ответил капитан Малахов. – Всего нас здесь четыреста человек. Из батальона Ремизова двести пятьдесят, остальные из политотдела, финчасти, медсанбата.

– Смотри маршрут. – Майор Зайцев достал карту. – Пойдем лесами, раз решили идти все вместе. В бой по возможности не вступать, все равно нас и на один серьезный бой не хватит. А еще и линию фронта придется переходить.

Зайцев посмотрел на голову колонны, там стояли саперы. Угрюмые, в основном пожилые, все в фуфайках, они выглядели крепче остальных. «Эти не подведут и не разбегутся. Может быть, так и выйдем», – повеселел Зайцев и дал команду на движение. Он подумал, что если ему удастся вывести из окружения эту колонну, и именно не по маршруту полковника Гришина, то так будет лучше и для него, и для его людей.

Колонна быстро прошла мелколесье и через полчаса углубилась в густой молодой ельник.

В день прорыва дивизии у Литовни лейтенант Вольхин, передав роту на политрука Белькова, по заданию Шапошникова ходил к Салтановке, в районе которой должен был действовать батальон Калько. Надо было вывести его в располо-

жение штаба или, если это не удастся, указать место прорыва и пункт сбора дивизии после выхода из окружения.

За несколько часов блуждания по лесным дорогам Вольхину и его группе, а с ним было трое бойцов, кроме одиночек, мелких групп отставших, в основном из других дивизий, никого не удалось встретить. Добросовестно прочесав район, где примерно мог действовать батальон Калько, и никого там не встретив, Вольхин решил вернуться и догонять своих.

Накрутив за день туда и обратно километров пятьдесят, Вольхин вернулся на место, откуда они ушли искать батальон Калько и где должны были быть, как он надеялся, Шапошников и его штаб, но никого там не встретил. В лесу стояли несколько десятков повозок с имуществом, частью разбросанным, частью сожженным. Чувствовалось, что люди отсюда ушли по крайней мере час назад.

Покрутившись по лесным тропинкам, он догнал сержанта Ляшко, старшего писаря штаба. Оказалось, что пока он набивал сумки из-под противогазов продовольствием из брошенных повозок, колонна штаба ушла, и он даже не обратил внимания, в каком точно направлении. Ляшко так и остался один с документами полка, которые Шапошников приказал ему выносить.

Вольхин и Ляшко решили двигаться вместе. К ночи они вышли к каким-то баракам, где лежали несколько десятков раненых красноармейцев.

– Карманов! – обрадовался Ляшко, встретив в лесу у бараков своего приятеля, политрука зенитно-пулеметной роты. – Наших не видел?

– Сам ищу. Вас что, всего пятеро? – спросил он.

– Давай вместе двигаться, – предложил Ляшко. С Кармановым было восемь бойцов.

Переночевали на еловом лапнике. Утром они нагнали колонну майора Зайцева. Узнав, что колонна идет на северо-восток, Вольхин забеспокоился, так как знал, что его полк должен идти на Елец. «Не по пути», – подумал Ляшко, но оставить колонну не решился, помня, что отвечает за сохранность документов, многие из которых были секретными. Посоветовавшись с Вольхиным и Кармановым, он решил не испытывать судьбу и идти вместе с этой колонной.

Но в этот же день колонна майора Зайцева напоролась на засаду немцев. После перестрелки колонна рассеялась по лесу, только к вечеру капитану Малахову удалось собрать часть людей.

– Я же говорил, что не пройти нам такой ордой, – ругался майор Зайцев. – Надо разделиться на группы и идти параллельными маршрутами, а то пропадем все вместе.

– Я тоже так думаю, – сказал старший лейтенант Ремизов, командир саперного батальона, – да и прокормиться так будет легче. Давайте оставим ядро человек в пятьдесят, а остальных по двадцать разобьем или по небольшим подразделениям. Так хоть кто-то выйдет, а если напоремся все вме-

сте еще раз – всем и конец.

– Ваксман застрелился, товарищ майор, – подбежал к Зайцеву боец.

– Вот те раз... – удивился Зайцев. – «Рано нервишки сдали...»

В тот же день на привале к Ляшко и Вольхину подошел исчезнувший было политрук Карманов.

– Слушайте, хлопцы. Мне Чоботов сказал, что знает место, где казну всей дивизии зарыли – семьсот тысяч рублей. Он при финчасти состоял, сам видел, как закапывали. Давайте сходим туда.

– О деньгах ли сейчас думать? Зачем они тебе, опомнись, – сказал Вольхин.

– Да ты что, не пропадать же добру!

Вольхин и Ляшко отказались, а Карманов и с ним еще двое все-таки пошли. Вечером из четверых вернулись двое. Николаев тащил на спине раненого Карманова.

Осторожно опустил его на землю.

– А те двое?

– Погибли. Напоролись на немцев. Вот тебе и миллион... – выругался Николаев.

– Братцы, вы меня только до ближайшей деревни донесите, – простонал Карманов.

Чоботов, видевший, как работники финчасти зарывали под елкой мешок, ошибся. Это была не вся казна дивизии, а только мелочь, медные деньги. У начальника полевого гос-

банка Лексина, старшего кассира Мокрецова и бухгалтера Медведева и мысли не возникало, чтобы бросить казну дивизии. Мешок с мелочью нести было тяжело, и они, и то после долгих колебаний, решили его закопать. Акт был составлен по всем правилам. Все остальные деньги, в купюрах, более семисот тысяч рублей, решили вынести любой ценой. Никто из отряда майора Зайцева не подозревал, что эти трое голодных, исхудавших, оборванных людей несут в своих мешках почти миллион рублей. Спасают деньги, когда в любой момент можно расстаться не только с деньгами, но и с жизнями. Шли неделю, вторую, третью, в полной неизвестности, по глухим лесам, болотам, впроголодь, в лохмотьях, лаптях, потому что сапоги расползлись, но – с миллионом за плечами – люди с чистой совестью и с сознанием своего долга...⁴

Когда колонна начальника разведки дивизии майора Зайцева разбилась на группы, то Вольхин оказался командиром группы в пятнадцать человек. Посоветовавшись, они решили вернуться на маршрут движения главных сил дивизии и все-таки догнать свой полк. Оставив раненого политрука Карманова в деревне на попечение двух старушек, они решили переночевать в гумне, одиноко стоявшем посреди большой поляны.

Вольхину не давала покоя мысль, что он идет совсем не

⁴ После войны В. Медведев работал управляющим областным отделением Госбанка.

той дорогой, по которой ушел его полк, он то и дело ругал себя, что тогда замешкался и отстал. Сумки с документами, которые нес сержант Ляшко, тоже обостряли нервозность. Он уже несколько раз ссорился с товарищами, которые думали, что в них что-то съестное.

Примерно через час, когда они всей группой начали готовиться ко сну, из леса раздался громкий и уверенный голос:

– Товарищи красноармейцы! Вы окружены, сдавайтесь!

По знаку Вольхина все быстро заняли выходы из гумна и приготовились к бою.

– Вот так влипли! – услышал Вольхин чей-то голос. – Я же говорил, что нельзя здесь было останавливаться.

– погоди, если предлагают сдаваться, а не атакуют сразу, то, значит, сил у них здесь немного, – успокоил всех Ляшко, – да и побоятся они сунуться через поляну. Попробуем поторговаться...

Вышлите офицера на переговоры! – крикнул он в темноту.

– Выходите сдаваться, потом решим, – послышался голос с немецким акцентом.

– Дайте нам десять минут, посоветоваться!

Ляшко встал, отошел в глубь гумна. Сел и задумался, обхватив голову руками... «Нас пятнадцать человек. Прорываться – перестреляют. Сидеть здесь – сожгут живьем...»

Он достал из сумки чистый лист бумаги и быстро написал: «Акт». «Что же делать, придется документы сжечь, рис-

ковать ими нельзя». И, пока кто-то из бойцов по его просьбе рвал и поджигал папки со списками личного состава полка, боевыми донесениями и приказами, написал акт об уничтожении документов. Он попросил подписать его двоих бойцов как свидетелей.

Раздалось несколько автоматных очередей сразу с трех направлений.

– Ну, что будем делать, командир? – Кто-то из бойцов подошел к Вольхину. – Решай скорее, немцы торопят. Сдаваться или гореть живьем?

– Дождь! Дождь пошел! – обрадованно крикнул Ляшко. По крыше гумна зашелестели струйки осеннего дождя. В проемах дверей стало еще темнее.

Вольхин внимательно всмотрелся в полосу леса. От гумна до опушки было не больше ста метров. Чуть левее он еще засветло заметил болотце, там немцев быть не должно.

– Все ко мне, – позвал он бойцов. Когда все четырнадцать его товарищей встали вокруг него, Вольхин сказал: – Двое останутся у выходов, стрелять как можно чаще, создавать видимость, а остальные – за мной. Полезем в болото. Вся надежда у нас сейчас на темноту и дождь.

Вольхин первым, а за ним и все остальные, вжимаясь в мокрую, со снегом, некошеную траву, поползли к болоту. «Только бы повезло, – шептал он сам себе. – Не полезут же они в болото...»

Из гумна то и дело раздавались винтовочные выстрелы.

Немцы отвечали из автоматов, и чувствовалось, что здесь их не меньше двух десятков.

Когда они вползли в болото и гумно осталось метрах в двухстах сзади, Вольхин долго не решался подать команду, что можно вставать. Но переползать по жиже от кочки к кочке становилось все невыносимей, и Вольхин встал. Он посчитал глазами: «Двенадцать человек».

– Теперь можно и в рост, – отряхиваясь, сказал кто-то из бойцов, – не догонят.

Перепрыгивая с коча на коч, группа Вольхина к утру вышла в сухой лес. Пройдя еще около километра, они увидели деревню.

– Может быть, нет там немцев, командир. Обсохнуть бы, а то совсем задубели, – сказал кто-то из бойцов.

– Стойте все здесь, я схожу разведать, – предложил Ляшко.

Из деревни не доносилось никаких звуков, и он решил подойти к ближайшему дому. На дереве висела совершенно голая женщина, и Ляшко невольно отпрянул, оглядываясь по сторонам. Только теперь он заметил, что правее калитки длинным рядом лежат тела женщин и детей. Ляшко подошел поближе, чувствуя, как у него останавливается дыхание и леденеет кровь. Он всмотрелся в лицо первой в ряду молодой женщины. Ее открытые глаза невидяще смотрели в небо, рот был перекошен гримасой ужаса. Рядом с ней лежали два мальчика, а дальше на несколько десятков метров –

тела женщин и детей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.